

The book cover features a repeating pattern of white poppies with black outlines on a light background. In the center, a dark grey globe is partially obscured by several vibrant red poppies with black outlines and stems. The author's name is printed in large, bold, white Cyrillic letters across the globe.

**ЭЛИСОН
ВИНН
СКОТЧ**

**ТЕОРИЯ
ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ**

Элисон Винн Скотч

Теория противоположностей

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Винн Скотч Э.

Теория противоположностей / Э. Винн Скотч — «Эксмо»,
2013

ISBN 978-5-04-090119-7

Уилла уже давно не ребенок, но ей никак не удается избавиться от чрезмерной опеки отца. Ее родитель — знаменитость, без пяти минут нобелевский лауреат, исповедующий философию в стиле «чему быть, того не миновать» и автор нашумевшего бестселлера. Уилла выросла в духе фатализма и большую часть жизни плывет по течению. Скучная работа, рутинные отношения с мужем, отсутствие ярких эмоций... Но размеренный быт дает трещину, когда неожиданно для самой себя она соглашается поучаствовать в смелом эксперименте. Уилла испробует все, о чем раньше боялась и подумать. Пойти в горы? Легко! Встретиться с бывшим? А почему бы и нет! Доказать своему отцу «Теорию противоположного»? Блестяще! Ее новый девиз: «Смелее!». Живи свободно! Твори! Люби себя! Путешествуй! Делай все, что хочешь. Но всегда ли нужно жить «от противного»? И как обрести гармонию с самой собой?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-090119-7

© Винн Скотч Э., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

1	6
2	8
3	16
4	22
5	28
6	33
7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Элисон Винн Скотч

Теория противоположностей

Роман

Посвящается Т.К.

Люк: «Я не могу поверить».

Йода: «Вот и неудачи»¹.

* * *

Allison Winn Scotch
The Theory of Opposites

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2013 by Allison Winn Scotch

© Смирнова А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“»,
2018

¹ Диалог персонажей «Звездных войн».

1

Если вы верите моему отцу – а многие верят, – вам придется признать тот факт, что совпадений не существует. Что жизнь – череда предначертанных событий, что она ведет нас от одного к другому, толкает, как мяч для пинг-понга, от одной неизбежности к другой, и мы плывем по течению вплоть до неминуемой смерти.

В двух словах: мой отец исключает идею свободы воли как таковую и полагает, что все мы в руках судьбы. Как говорит нудная вековечная поговорка, ничего не случается просто так. (Кавычки закрываются.)

Мой папа – человек-легенда, по крайней мере, был таковым, пока не проиграл Нобелевку за математические исследования Пенджабу Шарме, своему протеже, ныне возглавляющему конкурирующую лабораторию в Университете Калифорнии. Статья о церемонии вручения заняла главную страницу «Нью-Йорк таймс», но не ввиду значимости Пенджаба, а потому что приблизительно через десять секунд после объявления премии мой отец метнулся на трибуну, сорвал с себя пиджак и галстук и швырнул их на стол, заорав при этом: «Вы, мать вашу, не увидите гения, хоть он влезет вам в самый мозг!» А потом, прежде чем его вывели охранники – вывели, фигурально выражаясь, на самом деле они просто плюхнули его животом на пол, – он изловчился ухватить бокал шампанского и запустить им в голову доктора Бартон Мериуэзера, порезав таким образом левую бровь высокочтимого доктора.

Когда мама пришла забрать отца (она давно уже перестала посещать церемонии награждения, считая их «сборищем чокнутых, которые только меряются фигуральными пиписками» – удивительно меткое замечание), она лишь сухо спросила:

– Полагаю, ты и это считаешь предначертанным судьбой? Годы напрасной работы и репутация, рухнувшая в один миг, – все это было predetermined?

Отец прикусил губу и, надувшись, стал смотреть в окно автомобиля.

Так вот, если верить моему отцу, тот день – день, когда все и началось, – тоже был назначен судьбой. Ведь случайных совпадений не бывает, и он построил всю свою жизнь, доказывая это утверждение. Вам придется поверить – прошлым вечером у меня в метро вытащили кошелек совсем не просто так. И тот факт, что я заметила пропажу лишь утром, уже выйдя из дома, – тоже часть божественного замысла. А когда я это заметила, я как раз размышляла о том, что через час ко мне в кабинет заявятся чуть ли не самые важные клиенты моей фирмы, а я, будучи исполнительным креативным директором, до сих пор не придумала, как сделать эротичными подгузники для взрослых. И поскольку я была слишком поглощена своими мыслями, я не сразу сообразила заблокировать кредитные карты или заявить о пропаже. Вместо этого я понеслась в ванную, где все еще мылся Шон, потому что он – тоже не случайно! – проспал, и закричала, что возьму у него сорок баксов и проездной. А когда я полезла за этими сорока баксами, я увидела вчерашний чек из нового бара на Сикстин-стрит – «Виноград», – хотя Шон вчера сказал мне, будто собирается к своим компьютерным гениям. А когда я изучала этот чек, попутно засовывая деньги в карман (кошелек-то не было), мне на телефон пришло оповещение о том, что Теодор Брэкстон – мой бойфренд времен колледжа, которого я гуглила как раз вчера вечером, – хочет стать моим другом. Я запаниковала – ненадолго, но сильно, – вдруг он почувствовал, как я на него тарашусь с безопасного расстояния, которое может обеспечить лишь анонимный IP-адрес? Так вот, я пытаюсь осознать тот факт, что Теодор Брэкстон в свою очередь тоже может за мной следить – не говоря уже о моих размышлениях относительно чека, бара и пропавшей кредитки, – но тут жужжит телефон и приходит сообщение от моей начальницы:

Уилле Чендлер-Голден от Ханны Бернетт.

Желудочный грипп. Не могу ногой шевельнуть. Не приду. С подгузниками сама разбирайся. Стяни со всех штаны! (В прямом смысле.)

Я тяжело вздыхаю и кричу Шону, чтобы он заблокировал мою кредитку. Потом запи- хиваю чек в набитый деньгами карман и несусь к двери, забыв, что домработница опять натерла полы маслом Мерфи, хотя я сто раз просила этого не делать. Каблук новых туфель не выдерживает, я пытаюсь бороться с силой притяжения – выворачиваю руки, сжимаю сухо- жилия, – но все тщетно. Я приземляюсь точно на задницу, и тут – несмотря на положитель- ный тест четыре дня назад – начинается менструация.

Да, мой отец сказал бы, что все это не случайно, так и должно было быть, и неважно, что я делала тем утром или что Шон делал прошлой ночью, в любом случае я лежала бы сей- час на жирном полу, растянув сухожилие и провалив очередную попытку зачатия. Он при- нялся бы рассказывать про земную ось, и гравитацию, и человеческую психологию, и все- возможные алгоритмы, про которые я давно уже перестала слушать (ограничившись лишь его бестселлером «Ваш ли это выбор? Почему вся ваша жизнь может выйти из-под кон- троля»). Мой отец заявил бы, что все это – часть грандиозного плана, и мудрее всего просто подчиниться обстоятельствам. Миллионы его читателей так и делают. (Он уже говорил вам, что этот самый бестселлер сорок две недели возглавлял список продаж? Нет? Не говорил?)

Я поднимаюсь, привожу в порядок юбку, и мне приходит в голову мудрая мысль: несмотря ни на что, Нобелевку отец не получил.

Но мудрой я стала не сразу. Это случилось потом. Поэтому продолжу свой рассказ.

2

Видел твоего папу вчера вечером на шоу Пирса Моргана, – говорит мне в лифте Алан Алверсон.

– Хммм... – отвечаю я и продолжаю делать вид, будто читаю СМС, хотя мы оба знаем – в лифте нет связи.

– Он настоящий гений нашего времени.

Я выразительно смотрю на Алана, который настаивает, чтобы его звали Алэн, будто бы он француз и не провел всю жизнь в Ливингстоне, штат Нью-Джерси.

– Ты понял это до или после того, как Пирс зачитал распоряжение о задержании?

– Ну, непохоже, чтобы он сильно переживал из-за премии.

У Алана очень своеобразное, очень сильно действующее на нервы слишком хорошее произношение. На моем виске дергается жилка, но я не знаю, виноваты в этом его доводы защиты моего отца или же его манера выщелкивать «Т» и округлять «Р».

Лифт звякает, и мы выходим прежде, чем я могу что-то возразить. Никогда не понимала, как реагировать на эти чрезмерные восхваления моего отца несведущими людьми; наши с ним отношения были смесью почитания и недоверия, тоски и пустоты. Для своих читателей и любителей шоу Пирса Моргана он был богом. Для меня – смертным (но порой, в его счастливые и в мои тяжелые времена, я тоже считала его богом).

– Удачи с «Надежными», – бурчит Алан, прежде чем свернуть перпендикулярно своему кубу.

Я лезу в карман за жвачкой и вспоминаю про чек. И про деньги. И про кошелек. И про заявку в друзья от Теодора. И про менструацию.

– Вот дерьмо, – говорю я в никуда, но Изабелла, моя ассистентка, слышит и сочувственно смотрит на меня, а потом протягивает чашечку латте.

– Подгузники придут в три. Powerpoint в режиме ожидания. Круассаны, маффины и фрукты уже на столе переговоров.

– Иззи, сколько... – я делаю шаг в сторону и пристально смотрю на нее.

– Я вешу? Килограмма... – она задумывается, – пятьдесят четыре. Ты уверена, что это приличный вопрос?

– Нет, я хотела узнать, сколько тебе лет.

– А-а-а. Двадцать четыре.

– Ты живешь в центре?

Она кивает.

– У тебя есть молодой человек?

– Хочешь меня с кем-нибудь познакомить? Только не обижайся, Уилла, но я видела почти всех друзей Шона на «Фейсбуке» и не особо впечатлилась.

– Он у тебя в друзьях?

– У меня две тысячи триста друзей, – она пожимает плечами. – Шон... сам-то он, конечно, ничего такой. Как... не знаю, – она обводит взглядом мою криво сидящую юбку и шелковую блузку, которую не мешало бы погладить. – Да, он шикарный. Чем он сейчас занимается?

– Он программист.

– Ого! Как Марк Цукерберг? Шон, конечно, куда круче Цукерберга, но Цукерберг придумал «Фейсбук», так что, может, я и дала бы ему шанс. Но друзья Шона... они похожи на Цукерберга, только не придумали «Фейсбук». Так что никаких свиданий, спасибо.

– Хорошо-о-о. Да, Шон классный, – говорю я, не уверенная, стоит ли считать удачным ее сомнительный комплимент. – Скажи, а ты была в новом баре на Сикстин-стрит? Про него

еще писали в «ТаймАут»? – вообще-то я только потому и знала про этот бар, что на прошлой неделе листала «ТаймАут» в очереди к гинекологу.

– Ты про «Виноград»? Конечно, несколько месяцев назад.

– Разве его не на прошлой неделе открыли?

– А я по особому приглашению.

– А, ну да.

Я молчу и смотрю на нее пристально, внимательно. Она легко двигается, обутая в байкерские ботинки. Она молода, она красива, она, наверное, никогда не задумывалась о судьбе, и совпадениях, и разочарованиях, и чеке из бара, найденном в кошельке мужа, который якобы отправился играть в компьютерные игры с другими молодыми интернет-гениями (по меньшей мере четверо из них попали в «Топ-сорок: кому под сорок» журнала «Программист». Трое из них были тощие и лысые, но это не важно). Иззи пока еще не беспокоит матка, усыхающая, как чернослив, и текучесть вагинальной жидкости, и максимальная температура во время овуляции, и потеря интереса к сексу оттого, что он, кажется, стал восприниматься лишь как попытки зачать. («Секс – отличный пример моей теории», – сказал бы мой отец. Если вы совокупились бы не в ту ночь и не в тот момент, то в результате получился бы совершенно другой ребенок! Он заявил бы это с таким важным видом, как будто ни один родитель никогда об этом не задумывался. О том, что если бы жена не взгромоздилась на мужа, который почти уснул под кулинарное шоу, рассчитанное на женщин, но в глубине души им любимое, и не настояла бы, что это самый подходящий момент для зачатия, то вместо их рослого мальчика получилась бы совсем не такая рослая девочка. Или близнецы. Или выкидыш. Или еще одна неудачная попытка вызвать вторую полоску. Кто скажет? Конечно, мой отец, если вы его спросите.)

– Иззи, как ты думаешь, что женатому мужчине тридцати шести лет делать в «Винограде»?

– Выпивать? – Она смотрит на часы за моей спиной. – Еще двенадцать минут, и приедут подгузники.

– Выпивать. Ну да, конечно. Наверное, они после игры пошли выпить.

– Ну, может, еще баб снимать, – продолжает она между делом, просматривая сайт Gilt.com, не задумываясь о разрушительном действии своих слов, не вдаваясь в смысл сказанного. – Хотя эти парни, конечно, никуда не годятся. Я бы в жизни с таким не замутила. Но – не говори никому – моя подруга Кэндис докатилась. На прошлой неделе переспала с кем-то из приятелей Голдмана, а потом он ей рассказал про жену.

– Хм... спасибо, – отвечаю я на это. – Ты мне очень помогла. – Я допиваю латте и направляюсь к своему кабинету.

– Ой, смотри-ка, Уилла! Только я об этом подумала, как мне прислали приглашение. Вчера же вторник был? По вторникам у них женщинам скидки. Они хотят, чтоб я пришла, так что, если соберешься со мной на следующей неделе, буду только за!

Я стою в дверном проеме кабинета. Конечно, ей прислали приглашение. Конечно, вчера женщинам были скидки. Конечно, Шон пошел туда не выпивать с друзьями после игры. Совпадений не бывает. Ненавижу, когда отец прав.

* * *

Ванессе Пайнс от Уиллы Чендлер-Голден.

SOS! Торчу битый час на ахтунге с «Надежными». Секси-синоним к «внезапному мочеиспусканию», быстро!

Уилле Чендлер-Голден от Ванессы Пайнс.
Райский нектар?

Ванессе Пайнс от Уиллы Чендлер-Голден.
*Слишком религиозно. Представь – Харрисон Форд в подгузниках.
Первая мысль?*

Уилле Чендлер-Голден от Ванессы Пайнс.
Фу!

Ванессе Пайнс от Уиллы Чендлер-Голден.
Очень помогло! Как ты бестселлер накатала?

Уилле Чендлер-Голден от Ванессы Пайнс.
Повезло.

Ванессе Пайнс от Уиллы Чендлер-Голден.
А мне – нет.

Уилле Чендлер-Голден от Ванессы Пайнс.
Хреново.

Ванессе Пайнс от Уиллы Чендлер-Голден.
Кто-то предложил «нечаянную влагу». Пристрели меня.

Уилле Чендлер-Голден от Ванессы Пайнс.
Ищи другую работу. Где Ханна?

Ванессе Пайнс от Уиллы Чендлер-Голден.
Болеет. Какой-то кретин сказал – «неожиданная сырость».

Уилле Чендлер-Голден от Ванессы Пайнс.
Кого-то щас уволят. Ничо она не болеет, у нее ломка.

* * *

Шон встречается меня – впервые за почти две недели, – когда я приползаю домой с эпического семичасового совещания, где, к неудовольствию заказчиков, сделала мрачный вывод, что подгузники для взрослых эротичными сделать невозможно.

– Привет! Рада, что ты дома, – говорю я.

Шон отхлебывает большой глоток пива и выдвигает вперед подбородок – в знак приветствия.

– Привет, – отвечает он. – Блин, я так устал сегодня.

Когда мы только начали жить вместе, мы каждый вечер шли в минимаркет за углом, или в китайскую забегаловку в конце улицы, или в дешевый ресторанчик в соседнем районе. Мы все думали и думали, что заказать, пока наконец не решили заказывать блюда, которые можно разделить на двоих. Мы делали так каждые выходные – ни одного не пропустили! – мы всегда сидели бок о бок на диванчике или жались друг к другу за крошечным столиком у

стены, мы были новенькими, сияющими, немного важными от осознания значимости нашей совместной жизни – и люди вокруг нас улыбались, заражаясь нашей эйфорией. Люси, касириша в китайском ресторанчике, бывало, подкладывала нам яичный ролл за счет заведения, говоря при этом: «Вы такие счастливые. Я такая счастливая».

Но понемногу эйфория сходила на нет, и проводить пять вечеров в неделю в ресторанчике в соседнем квартале стало нерационально. Карьера Шона пошла вверх, за этим последовало неизбежное самодовольство; мы уже не пытались впечатлить друг друга поцелуями длиной в двадцать минут, чтобы заработать лишний яичный ролл; секс стал скучным, потому что важнее всего теперь было рассчитать дни овуляции. Ну вот мы и достигли апогея: я прихожу домой с работы, а он выдвигает мне навстречу подбородок, крепче сжимает стакан с пивом и говорит «привет».

Это естественное течение вещей, сказал бы мой отец. Нельзя же всегда быть такими чокнутыми (в переносном смысле, но и в прямом тоже). Наши мозги устроены иначе, добавил бы он. Подумаешь, выбираемся поужинать всего два раза в неделю. Ничего страшного нет. Ну, во всяком случае, не было до «Винограда».

Поглощенная этой мыслью (чокнутыми! Побудем-ка чокнутыми), я говорю полусонному Шону:

– Может, смотаемся в Нор Lee? Узнаем, заслуживаем ли еще бесплатные роллы от Люси?

– Я так устал. Сил не хватит с дивана встать, не то что выйти из квартиры, – отвечает Шон. – Может, закажем на дом?

– Ладно. – Я чувствую себя шариком, из которого выкачали воздух, но делаю вид, будто ничего не случилось, будто я не слишком и хочу, чтобы мы помчались в Нор Lee и целовались там, пока нам не принесут дополнительную порцию.

И – то ли он ощутил мое недовольство, то ли услышал мой разочарованный вздох, но он говорит: «Ну, хрен с ним», со стуком ставит стакан на столик, встает с дивана и притягивает меня к себе за талию, как Астер притянул бы Роджерс².

– Так мы пойдем в Нор Lee? – интересуюсь я. Моя голова откинута назад; хорошо, что Шон меня придерживает. Он тычется в мою шею и позволяет выпрямиться.

– Это был максимальный расход энергии на сегодня. Но теперь ты видишь, что я хотя бы попытался.

– Принято к сведению, – я улыбаюсь и закусываю губу. Мне нравится его игривое настроение – словно он читает мои мысли. – Хорошо день прошел?

Он снова плюхается на диван.

– Не то чтобы ужасно. Tech2Co дали мне работу. Платят, как в «Майкрософте». Что там с подгузниками?

– Все в дерьме.

– Ха! – Он склоняется ко мне так, чтобы я видела – он искренне смеется. В последнее время мне нечасто приходилось слышать, как он хохочет взахлеб. Он всегда либо слишком устал, либо занят, либо согнулся за каким-нибудь из бесчисленных ноутбуков или других гаджетов, которые важнее, чем я. Представьте – у вас сорок семь сообщений, которые требуют срочного ответа, а иначе телефон взорвется у вас в руке, как граната! А жена... ну, жена и утром будет дома.

– Классный ты, когда смеешься.

– Смех – лучшее лекарство, – отвечает он, переключая каналы. Я ищу в кухонном шкафчике меню Нор Lee.

– Ой, а деньги у тебя есть? Ты ведь заблокировал мои кредитки, да?

² Фред Астер и Джинджер Роджерс – американские танцовщики, часто выступавшие в паре.

– Я звонил. Оказалось, с них не списывали деньги. Видимо, их не украли, ты сама потеряла.

Я ищу в его голосе осуждение: Шон никогда в жизни не терял кредитные карты, он вообще никогда в жизни не потерял бы их. Он такой правильный, такой педантичный. Его родители – профессора Массачусетского технологического института. Его воспитывали в любви к порядку, с постоянной оглядкой на планы и список задач, обеспечивающий беспроблемный переход с одного уровня (колледж Чоут Розмари Холл) на другой (Гарвард). Он никогда бы не оставил сумку полурасстегнутой, никогда бы в метро, включив плеер, не потерял связь с реальностью – а я, как известно, делаю так время от времени, но только из-за тайного увлечения металл-группами восьмидесятых, которые я не стесняюсь слушать лишь среди незнакомцев. Да, Шон – человек надежный, предсказуемый, и поэтому он никогда, никогда бы не потерял свои кредитки.

Я смотрю на него, лежащего на диване, уже вновь поглощенного какой-то передачей об африканских племенах, и тут вспоминаю: «Виноград!» Может, не такой уж он зануда, как я думала, не так уж боится рисковать? Если он и его друзья, короли высоких технологий, инвестируют выплаты, основанные на акциях IPO³, в стройных красоток в слишком тесных майках? Конечно, это не похоже на Шона – но чек-то я видела.

Я смотрю в потолок, больше всего на свете желая все-таки пойти в Нор Лее зарабатывать эти несчастные яичные роллы. Наконец я говорю – может быть, немного резко:

– Я не теряла кошелек. Его украли.

– Уилла, ты сама знаешь, что ты его потеряла.

Он прав; с тех пор, как мы вместе, я теряла кошелек трижды. Но прежде чем я могу возразить что-то в свое оправдание, телефон Шона с привычным жужжанием оживает (слышен ли звук рухнувшего сайта, если никто не сообщил о рухнувшем сайте?), и Шон погружается в чтение, а затем в переписку. Эй, приятель, но ведь мы не договорили! Почему твой телефон важнее яичных роллов?

– Аманда спрашивает, можно ли оставить Никки нам на выходные.

– Но мы... ну... хмм...

Он уже пишет ответ.

– Шон! – говорю я более сурово, чем хотела, а может быть, именно так сурово, как хотела. Его скользящие пальцы замирают, и он выпрямляется. Я продолжаю уже ласковее:

– У нас уже месяц не было нормальных выходных. Не то чтобы я против спиногрыза, но...

– Уилла, у Аманды никого нет, кроме нас. И потом, ты же любишь Никки.

– Люблю, – соглашаюсь я, про себя думая: но меньше, чем раньше. Все-таки пубертатные двенадцать не так прекрасны, как очаровательные семь. А потом я злюсь на себя, что вообще могу сомневаться по поводу этой любви; хорошо ли это характеризует меня в целом как личность и, в частности, как будущую мать?

– Мастер. Карт. Вызывает. Мастер. Карт. Вызывает.

– Кто такой мистер Карт? – спрашивает Шон.

– Мастер Карт, – говорю я, опустив глаза, но в душе ликуя: я знала, что кошелек украли! Я знала! Я его не потеряла!

Я хватаю трубку.

– Уведомление о мошеннических действиях. Это Уилла Голден?

Вообще-то Голден – фамилия Шона. Когда мы поженились три года назад, я была до смерти рада сменить свою фамилию Чендлер, прилипшую ко мне как тень – отцовскую тень.

³ IPO (Initial Public Offering, *англ.*) – процедура публичного размещения акций акционерного общества для неограниченного круга инвесторов.

Но хотя я знала, что Шон – моя судьба, мой суженый, я так и не смогла привыкнуть к этой перемене. Голден. Я так хотела слиться с этой фамилией, но, по правде говоря, все еще не сразу отвечала, когда в ресторане меня окликали «миссис Голден», и несколько раз смотрела на водительские права, чтобы убедиться – это действительно моя фамилия. Но Шон принадлежал мне, а я – ему. Уилла Голден. Словно часть моей жизни, обозначенная «Чендлер», была лишь промежуточной стадией.

– Да, – отвечаю я доверенному лицу. – Это Уилла Голден.

– Мы обнаружили подозрительную активность и хотели бы перевести ваши деньги на другую карту.

Я смотрю на Шона и сжимаю руку в кулак (карту украли! Я знала!), он смотрит на меня в ответ и пожимает плечами. Я вновь поворачиваюсь к телефону, думая: да, я была права, я победила. Но вскоре это чувство проходит, и я вспоминаю, как сильно люблю Шона, и чек из «Винограда» – конечно, это не то, о чем я подумала, и мне кажется, вряд ли мой отец признал бы это победой. Нет, возможно, даже счел бы поражением.

* * *

Вечер четверга у нас с Шоном проходит как обычно: китайская еда и мегапопулярное реалити-шоу «Рискни», где противники и ведущая, блондинка по имени Слэк Джонс, известная своей массивной челюстью и бесконечным ржаньем, подстрекают участников делать разные глупости. Кто пройдет все испытания, тот получит сто тысяч долларов. (Небольшая часть населения посвятила свою жизнь подготовке к участию в этом шоу. Погуглите. Увидите форумы. Это очень странно, но бывают и еще более странные навязчивые идеи.)

Никому об этом не говорила, но я смотрю шоу, желая узнать, что может пойти не так из-за силы притяжения, законов природы, частоты вращения двигателя, слишком слабого каната; вместе с тем я вижу, что может пойти не так из-за человеческих слабостей: смогут ли участники сохранять достаточное хладнокровие, чтобы, когда они ползут по натянутому тросу, руки не дрожали? Останутся ли спокойными, выполняя задание, в котором не приспособленный для таких целей партнер должен втащить их на вулкан? Пройдут ли достаточно тихо, чтобы не потревожить горных львов, сдержат ли рвотный рефлекс, когда им придется выпить коктейль с мочой?

Эта двухтактная система – то, что люди способны держать под контролем, и то, что не способны, – и привлекает меня в шоу «Рискни»; но подавляющее большинство просто любит смотреть, как разные глупые люди делают разные глупые вещи.

– Послушай, – говорит мне Шон во время рекламной паузы. Он хватает яичный ролл из коробки на чайном столике и откусывает верхушку; крошки, все в жире, падают ему на грудь. – Я знаю, у Никки сейчас непростой период. Я знаю, ты хочешь побыть вдвоем...

– А ты не хочешь побыть вдвоем? Я думала, тебе нравится проводить со мной выходные.

– Я не то хотел сказать. Ты же понимаешь, что я имею в виду.

Вряд ли я вообще хоть что-нибудь понимаю, думаю я. «Виноград»! Это самое идиотское название бара за всю историю человечества!

– Но я заглажу свою вину, ладно? Я придумаю что-нибудь классное, романтическое и сексуальное, и ты не сможешь устоять, – он улыбается, и я улыбаюсь в ответ, больше оттого, что хочу ему верить. В конце концов, это всего лишь один-единственный чек, одна незначительная мелочь, одно свидетельство того, где он был. В «Винограде»! Да это почти ничего не значит. (Тут мой отец непременно напомнил бы, что ничто не значит ничего, и все что-нибудь да значит, и все дороги ведут сюда, и прочее и прочее.) Я стараюсь не вспоминать, что Шон уже по меньшей мере год не придумывал чего-нибудь романтического или сексуального

(считаю, виной всему работа в «Майкрософте» – скажи, Билл Гейтс, ты-то как радуешь свою жену?), да если уж на то пошло, и раньше не особенно старался. Но это даже хорошо, потому что я не в восторге от бурных проявлений страсти. Мы любим китайскую еду. Любим смотреть «Рискни». Любим сидеть на диване по вечерам. Я, конечно, была бы не против пойти в ресторан и там целоваться, но Шону не нужно доказывать свою любовь путешествиями на Бали или куда там еще. Хотя, конечно, зависать в ночных клубах, а потом врать мне – явно не лучшее доказательство.

Он сжимает мою лодыжку, и на экране вновь появляется Слэк Джонс, чтобы объявить первое задание. На этот раз участников будут попарно опускать в яму, полную гадюк. Если они смогут держать себя в руках, гадюки их не тронут. А если не смогут... на этот случай поблизости есть медицинская палатка. (В прошлом году, однако, один из участников погиб, проиграв в неравном бою с гризли, но судебных разбирательств не возникло, потому что организаторы упорно стояли на своем: он добровольно отказался от оказания медпомощи.)

– Разве такого еще не было? – спрашивает Шон, засунув в рот остатки ролла. Его щеки раздулись. Он улыбается, но не виновато. Я уже видела его в роли бурундука – на нашем втором свидании – и так смеялась, что вино потекло у меня по подбородку. Иззи права. Шон – исключение из правил мира компьютерных технологий; у него зеленые глаза, золотистая щетина и подбородок не хуже, чем у Слэка Джонса, и он слишком красив, чтобы целый день пялиться в экран.

– В тот раз были гремучие змеи, – отвечаю я, любуясь изгибом его подбородка и ясными глазами. Он – красавец, не то что я. Никогда не понимала, почему он выбрал именно меня; единственно потому, что так было назначено судьбой. Ванесса часто говорила, что мне не мешало бы сходить к психологу и поработать над самооценкой, но мне и так неплохо. Просто он выбрал меня, и значит, того хотела вселенная. Подруга даже скинула мне контакты своего любимого мозгоправа, но это сообщение две недели провалялось во входящих, а потом автоматически удалилось.

Я засасываю макароны ло мейн, и, не успев вовремя остановиться, потому что всего две минуты назад поклялась себе не спрашивать, я спрашиваю:

– Ну, как вчера поиграли?

– Хорошо, – отвечает он, глядя в телевизор. – Вот блин, баба в красном сейчас все испортит.

– Кто выиграл?

– В смысле? Шоу только началось.

– Я про вас.

– А-а, – секунду он смотрит на меня, а потом снова в телевизор. Женщину в красном трясет так, что впору вызывать сейсмолога.

– Да мы не то чтобы следили за счетом. Просто решили поразвлечься. Несколько ребят заболело, так что мы всего лишь немного отдохнули.

– Хмм... ясно.

Я хочу сказать еще больше, я хочу поймать его в сети своего понимания происходящего. Я хочу поднести чек к его носу и закричать: ага! Но... ничего этого я не делаю. Потому что иначе слишком многое станет явным, а порой – что бы там ни говорил мой отец – лучше знать не обо всем. С некоторыми знаниями очень тяжело жить.

– Вот дерьмо! – кричит Шон. Женщина в красном визжит, не в силах справиться с ужасом, и невозможно понять, что произошло раньше – то ли гадюки почуяли ее слабость и напали, то ли она сама своим страхом все испортила, не успев даже попытаться.

– Круто! – вопит Шон. – Дай пять!

Я хлопаю его ладонь, изображая радость и думая про себя, что страшнее: придуманная реальность по ту сторону экрана или реальность настоящая, которая уже, может быть, начала набирать обороты.

3

Потом Шон засыпает на диване, по-прежнему сжимая в руке мобильный, то и дело вздрагивающий от нового сообщения, оповещения или еще какого-нибудь сигнала из интернет-мира, который никогда не спит. Я смотрю на него – вдох, выдох. Дело не только в том, что он красивый. Это ерунда. На красоту падки девчонки вроде Иззи. Он притягивает к себе, как суперзвезда. Его красота ничего не значит по сравнению с тем, что Ванесса называет «комбо»: сексапильностью, умом и некоей изюминкой. Хотя Ванессе он нравится гораздо меньше, чем должен был бы нравиться моей лучшей подруге. Дело в том, как он смотрит: сразу ясно, какой он серьезный, какой основательный.

Телефон снова жужжит, Шон шевелится, и я немного смущена, что рассматриваю его так откровенно, что моя потребность в нем так сильна, что я восхищаюсь волнами его волос и стройным телом, вытянутым во всю длину дивана. Я придвигаюсь поближе и касаюсь его плеча.

– Шон, пойдем в кровать. Уже поздно.

Он ворчит и утыкается лицом в подушку, все еще не в силах проснуться.

– Давай, Шон. Иди в кровать.

Он хлопает глазами, стараясь сфокусировать взгляд.

– А какой сегодня день? Мы разве... – он тянется к телефону, чтобы посмотреть в календарь.

Тут до меня доходит. Он думает, я бужу его ради зачатия. Неужели я похожа на жену, которая будит мужа только ради зачатия?

– Да нет, я не к тому... пошли спать.

– Пять минут, – говорит он, опять проваливаясь в сон.

Я еще немного жду, надеюсь, что он вернется ко мне, но тщетно. Я гашу свет в гостиной и говорю себе: побыть наедине с собой не так уж и плохо. Спать одной в кровати – не самое худшее, что может случиться. Прежде чем пойти в спальню, останавливаюсь в дверном проеме и снова смотрю на Шона, надеюсь, что это чувство – не начало конца.

Мы с Шоном уже семь месяцев пытаемся зачать ребенка. Когда мы поженились, мы составили план – составлял в основном Шон, а я слушала и поддерживала; мы даже составили схему, потому что в глубине души мы оба любим схемы, мы оба ценим во всем порядок. Мы решили пару-тройку лет пожить для себя, устояться как семейная пара, а потом завести ребенка, а потом, может быть, еще одного, и, наверное, еще собаку, и построить дом с белой оградкой, и жить долго и счастливо, или как-то так.

План Шона имел смысл; он продумал, с какими серьезными фирмами работать по контракту, решил откладывать деньги, чтобы потом не пришлось мучиться, и я, когда придет время, могла бы уйти с работы (конечно, если сама того захочу, добавил он) и сидеть дома с детьми, или заниматься волонтерской деятельностью, или устроиться в библиотеку, или еще что-нибудь. Я согласно кивала в ответ на все его предложения. Я всегда любила детей, и, хотя не была одержима материнским инстинктом (эта черта досталась мне от хладнокровных, рационально мыслящих родителей), всегда полагала, что смысл семьи, по крайней мере наполовину, – в детях. К тому же Шон был отличным дядей для Никки; он мог бы восполнить все пробелы в воспитании, которые допустила бы я.

Так что все шло по плану, все по графику. Только моя матка не желала сотрудничать. Семь месяцев неудач. Семь месяцев насмарку. Семь месяцев ожидания, надежд и неизбежных менструаций. Я сказала Ванессе, что подумываю принимать клоmid⁴, но она расска-

⁴ Препарат, увеличивающий фертильность.

зала мне массу жутких историй про женщин, у которых от кломида начали расти волосы на лице. «Представляешь, настоящая борода», – заявила она, но я на девяносто девять процентов уверена, что она все выдумывает; Ванесса пока предпочитает необременительные свободные отношения, и, хотя к моим проблемам относится доброжелательно, все же она немного эгоистична, как полагается лучшей подруге. Я посоветовалась с мамой; она вздохнула и сказала то, что я и предполагала, потому что отец всем нам промыл мозги: «Может быть, так и должно быть».

Но четыре дня назад я наконец увидела бледно-розовую вторую полосочку. Во мне что-то щелкнуло – словно я уже чувствовала своего малыша, ощущала, как во мне растет крошечное тельце. А потом, сегодня утром – неужели это было лишь сегодня утром? – опять началась менструация, и я поняла, какой же я была глупой, торопя события, торопя жизнь, и судьбу, и все эти идиотские необъяснимые вещи, заполняющие пространство между тем и другим.

Вот дерьмо. Как же я ненавижу, когда мой отец прав.

Я закрываю дверь спальни, достаю ноутбук. Он оживает, я поуютнее укладываю подушки на кровати и сама укладываюсь между ними, потом быстро пробегаю список закладок. Захожу на «Фейсбук». Мой пульс учащается, словно я совершаю не такое заурядное действие, а нечто недозволенное, словно мне следовало бы подумать дважды, прежде чем это сделать. Может быть, так оно и было.

Вверху страницы всплывает заявка в друзья от Теодора Брэкстона, горит как фейерверк, как ядерная бомба. Конечно, Шон – моя судьба, но все-таки иногда я думаю (и в последнее время все чаще), что судьба могла бы быть иной. Будто я могла неправильно прочесть послание звезд, будто они могли выстроиться иначе, будто все могло бы быть по-другому. Рука с зажатой мышью повисает в воздухе.

Принять.

Отклонить.

Оставить в заявках.

Я слышу, как Шон ворочается в гостиной. Выключает телевизор, судя по тому, что шум на заднем фоне сменяет тишина.

– Шон?

Ответа нет.

Я хочу попытаться еще раз. Хочу позвать его в постель. Но «Фейсбук» манит, и к тому же мое недоверие к Шону, мои подозрения тоже играют роль. Я вспоминаю невинные замечания Иззи: «Ну, может, еще баб снимать... Я дала бы Марку Цукербергу шанс...», и в моей голове всплывает ни к чему не относящаяся мысль – есть ли на «Фейсбуке» жена Марка Цукерберга, и если есть – можно ли написать ей и спросить, как бы она поступила в моей ситуации.

Я смотрю в окно на уличные фонари.

Да, Шон всегда был хорошим мужем, не давал мне поводов для ревности, это верно. И еще верно то, что надо было говорить прямо, надо было взять и спросить, зачем он пошел в «Виноград», а не пытаться докопаться до истины путем косвенных вопросов, когда он к тому же был увлечен шоу «Рискни». Но наш брак не был противостоянием, скорее его можно было назвать браком по расчету (звучит очень по-русски, но я не это имею в виду). Я хочу сказать – я могу рассчитывать на Шона. Он для меня – как стрелка, которая указывает на Северный полюс, и я не задаю ему вопросов, потому что воспитывалась человеком, учившим меня, что этими вопросами ничего не добьешься, ответы будут малопонятны и приведут к неверным выводам, а то, чему суждено произойти, все равно произойдет. Так к чему выяснять отношения? Я ничего не пыталась выяснить у Шона – ведь он был моим. Вот мой

ответ. Единственный вопрос, интересовавший меня: может быть, я его недостойна, такого красивого, такого невероятно успешного, такого лидирующего в списке «Топ-сорок: кому под сорок», – к делу не относится. Ванесса указала бы (и она указывала!) вескую причину пойти к психотерапевту, но сеансы для меня то же самое, что и вопросы, – лишь отвлекают от происходящего. Я уже выбрала свой путь. Зачем думать, каким все могло бы быть?

Мы с Шоном познакомились на Match.com⁵ шесть лет назад, когда он еще не стал звездой интернет-мира, когда мы были просто Шоном и Уиллой. Он прислал мне сообщение: «Ну и что тут делают два нормальных человека?», я посмеялась и подумала: может быть, интернет-знакомства – не только для извращенцев и чокнутых, так что написала ему в ответ: «Испытывают судьбу». Мне казалось, это очень умно, принимая во внимание папочкины теории о том, что судьба сама решает, какой ей быть, и мы не в силах на нее повлиять. Я нажала кнопку «отправить» и задумалась, почему впутываю папочку с его теориями в свою личную жизнь. Шон пропустил намек мимо ушей (или не стал гуглить информацию обо мне) и ответил раньше чем через час.

Я просмотрела его профиль и увидела, почему он решил, что из нас может получиться хорошая пара. Мы оба были в семьях средними детьми, оба любили классическую литературу, оба указали ответственность и уверенность в себе в списке желательных качеств потенциального партнера и любовь к спорам ради споров в списке нежелательных. На вопрос, с какой страной мы себя отождествляем (на Match.com нужно заполнить два листа анкеты, чтобы «дать понять, какие качества делают вас собой», и вряд ли кто-то захочет, чтобы вторая половинка не заметила их лишь потому, что они пропустили пункт и не дали понять, что делает их собой, поэтому все заполняют эти два листа), он ответил – Швейцария. И тут я подумала – вау! Я ведь тоже настоящая Швейцария!

И он – Швейцария. И я – Швейцария. А вместе мы стали комбо-Швейцарией, турбо-Швейцарией, что хорошо сказывается на браке, пока кое-кто не нашел чек из «Винограда», а кое-кто другой не начал вести себя как Северная Корея или что похуже.

Принять.

Отклонить.

Оставить в заявках.

Мой палец дергается, и я с трудом подавляю в себе инстинкт нажать на какую-нибудь из опций. («Инстинкт – ничего, кроме заблуждения человека, обманчивого впечатления, будто бы он способен управлять собой», – бестселлер «Ваш ли это выбор? Почему вся ваша жизнь может выйти из-под контроля», с. 33.) Может быть, от моего выбора не так уж много зависит – я прожила всю жизнь с этим утверждением. И все-таки передо мной маячили перспективы:

Принять.

Отклонить.

Оставить в заявках.

С каких пор «Фейсбук» стал подобием нашей жизни?

* * *

В четыре двенадцать утра я вздрагиваю и просыпаюсь. Свет все еще горит, ноутбук все еще покоится на моем животе. Шон, я подозреваю, так и спит на диване. Раньше мы

⁵ Сайт знакомств.

никогда не засыпали друг без друга, и, выключая прикроватный светильник, я думаю, когда наши привычки успели измениться.

Он просто устал, успокаиваю я себя. Столько работы! Черт возьми, ведь он попал в «Топ-сорок: кому под сорок!» Нельзя же требовать от человека всего и всегда. Готова поспорить, Марк Цукерберг тоже нет-нет да и уснет у себя в кабинете.

Свет с щелчком выключается, я крепко зажмуриваю глаза, надеюсь уснуть, надеюсь, что усталость возьмет верх над нервозностью. Но прежде чем мне удастся хоть немного погрузиться в сон, телефон дважды пищит.

Бип-бип. Бип-бип.

Провожу пальцем по экрану и вижу сообщение от своей начальницы Ханны. Она прислала фотографию. Во всяком случае, я думаю, что это она. На фото крупным планом снят ее бюст – две огромные, потные, перезрелые дыни с расщелиной между ними. Конечно, такой бюст может принадлежать кому угодно, у кого хватит на него денег, но владелицу выдает подвеска – четырехлистный клевер, который Ханна никогда не снимает.

В первую минуту мне кажется, что она таким образом решила наказать меня за проваленные переговоры с «Надежными». Я уже собираюсь написать что-нибудь в свое оправдание, скажем, вот такой текст: «В подгузниках для взрослых нет ничего соблазнительного! Они должны быть надежными и удобными, а не сексуальными!»

Я смотрю в потолок в темноте и внезапно понимаю, что моя семейная жизнь чем-то похожа на эти подгузники.

Но я пугаюсь раньше, чем начинаю печатать сообщение. Никогда не умела пререкаться и огрызаться. Может быть, Ханна не знает, насколько плохо все прошло. Может быть, она в загуле. Лучше уж не будить лихо. Поэтому я набираю вот что:

«Это точно мне?»

И молюсь про себя, чтобы она ошиблась адресатом. Такое ведь может произойти случайно. Мой отец в ответ на любой вопрос ссылается на свою всеобъемлющую теорию: все происходит так, как нужно. Но кому нужно, чтобы моя начальница по ошибке посылала мне сообщения сексуального характера? А если отец прав, с чего начинается цепочка событий? С заявки в друзья на «Фейсбуке», на которую я не ответила? С ошибочно положительного теста на беременность?

Я провожу пальцами по ноутбуку, и он оживает.

Гугл: *экспресс-тест на беременность ошибка.*

Результаты:

Lifstrong: *как сделать тест на беременность.*

Amazon.com: *скидка 20% на экспресс-тесты!*

Шоу Венди Вильямс: *Я не знала, что беременна!*

Бэбицентр. com: *три ошибочных теста! Что за бледная полоска?*

Бинго.

Пользователь *ЛюблюБуБу* пишет: Вот в чем штука: я каждый день с пятого дня секса мочила тест, и каждый раз он полосатился. Но, может, это полоска от мочи? Как мне понять, из-за мочи он полосатый или из-за малыша? Помогите!!!

Пользователь *мамашишка* пишет: Та же фигня! Сраный экспресс-тест! Ненавижу экспресс-тесты! Все мечты накрылись задницей! Каждый раз ведешься на эту хрень, и каждый раз месюки! Ненавижу месюки еще больше, чем экспресс-тесты!!!

Пользователь *хочудеток* пишет: Дамы, давайте организуем петицию против экспресс-тестов. Толку их мочить? Лучше замочить того, кто их придумал.

Пользователь *ЛюблюБуБу* пишет: Я ЗА!!!!!! Где подписать?

Пользователь *ДокторЭллен* пишет: Дорогая *Люблюбубу*, экспресс-тесты редко дают ошибочные результаты. Думаю, вам стоит проконсультироваться у врача. Или, может быть, это часть божественного замысла.

Пользователь *ЛюблюБуБу* пишет: Дорогая *ДокторЭллен*, идите в задницу и божественный замысел прихватите.

Я пытаюсь войти в свой профиль, чтобы поддержать эту *ЛюблюБуБу*. Написать что-нибудь простое, вроде: держись, детка! Или: откуда нам знать божественный замысел? Или: разве только от божественного замысла получаются дети?

Я пробую разные ники: *УиллаГолден*, *УиллаЧендлер*, *УиллаЧендлерГолден* – но все это не подходит. *Простите, пользователя с таким именем не существует*. И это очень кстати – когда я оставляю свои попытки, приходит сообщение от Ханны:

Унс. Прости. Не тебе.

«Вот! – думаю я, – случайности возможны. Может быть, папа не всегда прав».

* * *

Мой отец не был настолько одержим своими теориями относительно судьбы и ее неизбежности, пока не погиб его брат-близнец. Судя по всем рассказам и выцветшим, словно с эффектом сепии, старым фотографиям моей бабушки, в детстве папа был совершенно нормальным мальчиком; можно даже сказать, совершенным совершенством; до трагедии он не был склонен к безнадежному фатализму. По мнению отца, смерть Уильяма стала самым что ни на есть случайным происшествием, стечением обстоятельств, которые привели к катастрофе – в прямом и переносном смысле. Путешествие во Флориду, внезапный ураган, упавшая пальма, пробившая крышу паршивого придорожного отеля. Ствол дерева рухнул на кровать у правой стены, кровать Уильяма, и раздробил ему грудную клетку; смерть наступила мгновенно. Мой отец проснулся в кровати у левой стены и увидел, что такое граница между жизнью и смертью; останешься ли ты целым и невредимым, или же твое сердце будет смято – зависит лишь от того, с какой стороны двери положить матрас.

Он целыми днями, неделями, месяцами спрашивал себя: что, если? Что, если бы они выбрали другой отель? Если бы поехали через Тампа, а не через Майами? Если бы остановились поесть куриного супа с лапшой, а потом решили в тот день дальше не ехать?

Но все эти мысли не могли вернуть Уильяма. Все равно ничего бы не изменилось.

Так что мой отец засел за докторскую диссертацию и сначала все пытался выяснить, когда, как и почему он мог поступить иначе, а потом пришел к выводу, что поступить иначе все равно бы не получилось. С каждым годом его все глубже и глубже засасывала эта тряпина.

Мама любит вспоминать историю моего рождения. Когда я появилась на свет, вопящая, пунцовая и окровавленная, доктор поднял меня и закричал: у вас девочка! А мама застонала: быть того не может, мы ждали мальчика! – и разрыдалась от избытка гормонов, присущего

только роженицам, – ведь она же уже выкрасила детскую в голубой цвет и накупила голубых ползунков и шапочек.

А что же отец? Он совсем не удивился. Он как раз писал третью статью в научный журнал, готовясь стать новым Эйнштейном. Он посмотрел на меня, пожал плечами и сказал: ну и ладно, все равно мы назовем ее Уильям. Такова жизнь. Если бы я и хотел, я не смог бы ее изменить.

Мама запротестовала – они еще могли все изменить, свидетельство о рождении не было получено, открытки близким не были напечатаны. Но отец стоял на своем, и поскольку мама тоже могла бы отождествлять себя со Швейцарией, долгие годы прожив с мужчиной, временами совершенно слетающим с катушек, но, возможно, самым гениальным из ныне живущих, – она согласилась. Когда я пошла в детский сад, они все же решили звать меня Уиллой, потому что все принимали меня за мальчика, любившего носить девчачьи платица. Я была маленькой, но я помню радость от нового имени; какое облегчение – не зваться Уильямом!

4

Нужно придумать что-то очень классное. Хочу удивить Никки, когда он приедет, – говорю я Ванессе следующим утром. Июньский воздух, плотный от влажности, закупоривает наши поры; волосы липнут к вискам.

– Вызови ему проститутку.

– Ему двенадцать!

– Ладно, тогда на будущий год.

– Хорошо. Отложим на время.

– В тринадцать он станет мужчиной! – Ванесса вскидывает руки вверх, изображая бурный восторг, и таксист кричит ей из окна машины:

– Классная задница!

Она посылает ему воздушный поцелуй, и мы поворачиваем направо, в Централ-парк. Ванесса яростно работает локтями, давая понять, как активно она старается.

– Это не спортивная ходьба, – говорю я. – Спортивная ходьба предполагает скорость и учащенное сердцебиение. Могла бы хоть попытаться.

– Я и так пытаюсь, – отвечает она. – Почему ты не можешь радоваться тому, что я вылезла из кровати, чтобы проводить тебя на работу?

– Ты каждую пятницу так говоришь!

Когда мы с Шоном только поженились, Ванесса заставила меня поклясться, что я не стану похожа на всех этих женщин, полностью растворившихся в своем супруге. Которые говорят о себе «мы», которые согласовывают все свои планы со второй половиной. (Хотя вынуждена признать, наш план – тот самый, с детьми и белой оградкой и чудесной работой в библиотеке – как раз был согласованным.) Нет, она, конечно, была рада за меня – но все-таки взяла с меня эту клятву. Я пообещала никогда с ней не разлучаться, хотя не могла знать, что готовит нам будущее; оно поджидало впереди. И вот из чувства долга каждое утро пятницы мы вместе шли через весь город: я на работу, а она – за идеями для новой книги, которые черпала из окружающего мира.

– Ну вот, у меня есть работа, – говорит она, когда мы проходим мимо «Земляничных полян»⁶, сквозь толщу туристов с камерами на шеях, уже образовавших затор в аллее, хотя день только начался.

– Работа? – спрашиваю я.

– Помнишь шоу «Рискни»? Я пишу для них руководство! «Найди в себе силы начать новую жизнь: Несколько простых шагов, которые приведут к счастью». – Ее движению препятствует японец, не уверенный, вправо ему двигаться или влево. – Конечно, за эту книгу не дадут премию Пулитцера – только огромный гонорар с очень симпатичным бонусом.

Я начинаю вспоминать. Мне нравится идея этой книги – отважиться переступить черту и в корне изменить свою жизнь, – но на практике она нравится мне гораздо меньше. К тому же я во все это не верю. Но тем не менее.

– По-моему, круто, – говорю я. – Кому вообще нужна премия Пулитцера?

– Твоему отцу, – напоминает Ванесса, и мы обе улыбаемся.

Мы доходим до мостика, ждем, пока лошадь протащит по нему карету.

– Тео добавил ко мне в друзья два дня назад, – говорю я, поскольку надо же ей что-нибудь рассказать.

⁶ Мемориал в Центральном парке Нью-Йорка, посвященный памяти Джона Леннона. Назван так по одноименной песне «Битлз».

– И ты только сейчас об этом сказала? – Сняв толстовку, она завязывает ее на талии, распускает волосы и заново собирает в хвост.

– Мне было не до того. Я все думала про эти чертовы подгузники. Ханна сегодня будет явно не в форме.

– Все из-за кокаина.

– Не только. Но и он тоже виноват. В четыре утра она прислала мне эротическое фото. Ванесса громко хохочет, до коллик в животе.

– Господи, да это ужас какой-то!

– Но еще она будет не в духе, потому что переговоры прошли хуже некуда. Как будто все вокруг сговорились портить мне жизнь.

– Ничего и не все, только Ханна. Нельзя думать, что все будет замечательно, втягивая каждый вечер по полкило кокса.

– Ну, может, она не в силах противостоять...

Ванесса резко останавливается и поднимает вверх руку, давая мне знак замолчать.

– Хватит, Уилла. Хватит. Опять начнешь нести всю эту чушь, вбитую тебе в голову папочкой. Ни у кого нет выбора, мы живем, как нам суждено... Ну что за бред, Уилла? Просто бред собачий. У Ханны есть выбор – взять и завязать с кокаином. Она просто не хочет.

Если вы недостаточно хорошо знаете Ванессу, вы можете решить, что она читает эти мантры, желая создать себе позитивную установку, необходимую эксперту по улучшению жизни. Но, сколько я ее помню, она всегда была такой. Делай свой выбор! Живи своей жизнью! Будь смелым! Будь наглым! Она повесила логотип компании «Найк» – «Просто сделай это» – в комнате общежития в колледже. Зачем я буду с ней спорить, если не знаю, какие аргументы противопоставить? Ванесса уверена в своей правоте, а я не знаю, во что верить. Я ничего не знаю о свободе воли, и судьбе, и неизбежности, и папином бестселлере, хотя меня с детства пичкали всей этой лабудой, так усердно пичкали, что временами мне нечем было дышать, и мне казалось – если я сейчас же не глотну воздуха полной грудью, я задохнусь. Однако в этой теории было много разумных мыслей. Конечно, можно не оставить от нее камня на камне, но...

Но если я во всем этом сейчас признаюсь, Ванесса скажет: ну вот, опять ты за свое, опять мелешь чепуху про отсутствие выбора.

– Ну, в общем, – продолжаю я, стараясь идти с ней в ногу, – сегодня будет ликвидация последствий, и вечером притащится Никки, и у меня опять не получилось забеременеть, так что я совсем забыла про Тео.

– Мне так жаль, что у тебя опять не получилось забеременеть, – с искренним сочувствием говорит подруга.

– Угу, – я грожу кулаком в небо. – Черт бы тебя побрал, мироздание!

Мамаша, волочащая за собой чумазое чучело, бросает на меня сердитый взгляд и резко сворачивает на перпендикулярную от нас дорожку. Ванесса качает головой и ухмыляется, я опускаю голову.

– По правде сказать... я даже не сильно расстраиваюсь. Надо бы, конечно, но... – Я смотрю, как мамаша широким шагом идет по тропинке, проходит под мостом и теряется из вида. – Но... может быть, не всем дано стать родителями.

Может быть, *ДокторЭллен* права, думаю я.

– Тебя послушать, так все становятся только теми, кем им суждено стать, – говорит Ванесса. С этой точки зрения мысль кажется очень глупой.

– Ладно, ты права, – отвечаю я. У меня развязался шнурок, я нагибаюсь, чтобы его завязать. – И еще я подозреваю, что Шон мне изменяет. Но это, наверное, просто глупость. Это просто чепуха. Я слишком остро все восприняла, только и всего. – Я старательно отвожу

взгляд. Наконец Ванесса сама пристально смотрит мне в глаза, затем берет за руку и тащит за собой.

– Солнышко, ты ничего не можешь остро воспринимать. У тебя генетически не заложена эта функция.

Я выдыхаю и некоторое время молчу, глядя на здания передо мной – стальная, прочная, безукоризненная архитектура. Такой и должна быть жизнь, думаю я, уверенная, что именно эту мысль всегда доказывал отец; кирпич на кирпиче, каждый на своем месте, у каждого – своя цель. И лишь добравшись до вершины, можно увидеть, что к чему.

Так что я вновь соглашаюсь с отцом. Иногда приходится это признать, даже когда не хочется.

* * *

Ханна так тепло одета, что мне становится не по себе, когда я захожу в ее кабинет. На ней синий свитер с высоким воротником, который скорее годился бы для февраля. Щеки у нее ярко-розовые, как пузо свиньи; на секунду я представляю Ханну ветчиной. Волосы приклеены к вискам при помощи смеси из пота и какого-то засохшего не то геля, не то мусса – если только сейчас кто-нибудь вообще использует мусс.

Она обводит меня взглядом с ног до головы и снова утыкается в бумаги, разложенные на столе.

– Фото обсуждать не будем, – говорит она сухо.

– Конечно, конечно, о нем ни слова.

Руки меня не слушаются; я думаю, что бы мне такое сказать, чтобы сгладить неловкость, возникшую в результате уже сказанного. Но я не успеваю ничего придумать – разговор заводит Ханна:

– Я тебе велела стянуть со всех штаны, а ты сама в штаны наложила!

– Это каламбур?

Она шурит глаза.

– Прошу прощения, не лучшее время. Просто Шон шутил на эту тему вчера вечером, – я беру стул, который стоит у нее за столом, сажусь и тут замечаю кучу пустых коробок в углу.

– Мы переежаем?

– Если можно это назвать переездом.

Она хватается плакат, который до этого в спешке сорвала и швырнула на пол без лишних церемоний. Куски скотча бессильно свисают со стены, как спущенные флаги.

– Сюда смотри, Уилла! Сюда смотри! – Она тычет в меня плакатом, на котором изображена гора Вашингтон в Нью-Гэмпшире. Плакат весь истерся и выцвел, да к тому же она трясет им, поэтому трудно разобрать, что там написано, но я понимаю – нужно кивнуть и согласиться. Потому что я знаю, что там написано; этот плакат висел у нее в кабинете, еще когда я только сюда устроилась. Она еще яростнее трясет им.

– Свобода или смерть, Уилла! Свобода или смерть!

Внезапно она вновь швыряет плакат на пол, для пущей убедительности наступая на него ногой.

– Простите, Ханна, но я не понимаю... – Может быть, у нее психическое расстройство? («В психотерапии не существует понятия расстройства. Наша психика способна переносить любые психологические и эмоциональные потрясения. Не позволяйте никому ввести вас в заблуждение! Все, что признается психическим расстройством, на самом деле – лишь неспособность адекватно воспринимать реальность. Но реальность – именно то, что мы должны воспринимать, – бестселлер „Ваш ли это выбор? Почему вся ваша жизнь может выйти из-под контроля“», с. 33.)

– Ну еще бы ты понимала! Я тебе сказала – стяни с них штаны, а ты сделала ровно наоборот, и вот из-за тебя у нас проблемы! – вопит она.

– У нас проблемы? – робко переспрашиваю я.

– Ты лишила нас заказчиков, Уилла. Уилла-Уилли-шпили-вили. А я тебя назначила ответственной! – Она поднимает с пола плакат, который затолкала в угол, и начинает рвать на мелкие-мелкие кусочки, разбрасывая их по всему кабинету как конфетти.

– Я, простите... мне кажется, это не так... я имею в виду, вы даже не...

– Это именно так! Мне сказали – ты во время переговоров писала СМС, черт бы их побрал!

В соседних кабинетах воцаряется тишина. Я слышу ее – я чувствую, как весь персонал обратился в слух. Ханна пытается швырнуть в меня обрывками плаката, но промахивается, и они падают на пол, ударившись о стеклянную перегородку за моей спиной.

– А если это и не так, тем хуже для тебя! Потому что меня уволили! И значит, тебя уволили тоже!

Выдохнув, она плюхается на стул с таким видом, словно из нее только что изгнали демона.

– Подождите, – до меня только теперь доходит. – Я уволена?

– На мое место сегодня назначили Алана.

– Алана Адверсона?

– Свобода или смерть, Уилли. Свобода или смерть, мать твою.

– Но я не хотела... – Я вовремя замолкаю, потому что никак не могу даже уловить нить разговора, не то что поддержать его. Она поднимает голову и смотрит мне прямо в глаза.

– Да, – говорит она медленно. – Ты не хотела. Ты никогда ничего не хочешь.

* * *

Когда я захожу в квартиру, телевизор орет вовсю – очень странно, потому что Шон должен быть на совещании программистов. Я ставлю на пол полупустую картонную коробку. За пять лет усердной работы вещей скопилось не так много: несколько незначительных наград (шампунь от перхоти, рекламу которого я делала, номинировался на премию, но получил ее «Хербал Эссенсес»), фотография в рамочке, на которой я с Дэвидом Хассельхоффом (он рекламировал для нас машинное масло), несколько документов, к которым я, скорее всего, больше пальцем не притронусь.

Я достаю бумаги из коробки. Просто чтобы окончательно удостовериться, что больше никогда, никогда больше их не увижу, я мну их в комок, бросаю в мусорное ведро и громко хлопаю по крышке, но поскольку крышка автоматическая и должна закрываться сама, она повисает в воздухе, а потом медленно начинает опускаться. Я наблюдаю за ее печальным спуском, пока шум из соседней комнаты не возвращает меня к реальности.

Почему телевизор так орет?

Я направляюсь к дивану, роюсь в подушках, ища пульт, а потом понимаю: вот дерьмо! Вдруг здесь Шон, и вдруг он не один?! Моя жизнь кончена, и мозг пытается переварить эту информацию: вселенная подарила мне Шона, а потом забрала назад. Я падаю на диван, потому что так делают в фильмах, и не знаю, что делать дальше. Крепко зажмуриваюсь, запоздало сожалею – зря не пошла к тому мозгоправу.

Шон здесь, и не один! «Виноград»! Не важно, что я – его Швейцария! Он может предать любимую страну.

Кто-то спускает воду в туалете, я глубже вжимаюсь в диван, словно это поможет мне стать невидимкой. Еще крепче зажмуриваюсь. Слышу шаги (одна пара ног или две?), потом диван прогибается, потому что на него кто-то сел.

Внезапно сверху доносится голос – уж точно не Шона.

– Привет.

– Твою мать! – визжу я и спрыгиваю с дивана. Никки громко ржет, сворачиваясь от смеха в клубок, и понемногу ржание переходит в вой.

– Господи, видели б вы свое лицо!

Моя грудная клетка, кажется, вот-вот взорвется.

– Блин, Никки, напугал до смерти. Что ты тут делаешь? Ты разве сегодня не учишься?

Он пожимает плечами, как будто это и есть ответ на вопрос.

– Мама знает, что ты тут?

– Знает, что я приезжаю сегодня вечером, – найдя пульт, он прибавляет громкость – явно хочет, чтобы мои барабанные перепонки лопнули.

– Сделай потише! – кричу я.

– Что? – вопит он в ответ и продолжает пялиться в экран. Он смотрит документальный фильм о ядовитых пауках; в данный момент крупным планом показывают волосатого склизкого тарантула. Мама Никки предупредила нас, что у мальчика непростой период и он особенно интересуется темой смерти, особенно смерти отца – почему так получилось и что значила эта смерть в системе вещей. Но Аманда не может сказать, почему погиб Кайл, так же как остальные три тысячи человек не могут сказать своим детям правду. Как вы объясните ребенку, что его отец пошел на работу однажды утром, самым обычным утром, а восемнадцать террористов сочли это утро самым подходящим, чтобы направить авиалайнер в здание, где он работал, – и Кайл погиб, вскоре после того, как его жена забеременела и жизнь, можно сказать, только началась?

Вы можете сколько угодно излагать факты и подбирать правильные слова, нужные прилагательные, вкладывая в них необходимое количество яда и отвращения, но, несмотря на все это, у вас все равно не будет объяснения, не будет ответа на его вопрос: «Почему?»

Мой отец сказал бы, конечно, что на этот вопрос и не может быть правильного ответа, потому что сам вопрос иррационален. Такова жизнь, сказал бы он с важным видом, словно сам придумал эту фразу; ее, конечно, придумал не он, хотя миллионы читателей, которым он промыл мозги, думают иначе.

Я забираю у Никки пульт и убавляю звук по меньшей мере на два тона. Тарантул уже одолел свою жертву – полевою мышь больше него по меньшей мере в два раза. Никки восхищенно следит за трапезой, широко распахнув глаза и разинув рот. Я сажусь рядом; он отрывается от телевизора и ехидно улыбается мне.

– Пипец, да?

– Да, – я вздыхаю. Мышь, не заметившая опасности, теперь мертвее всех мертвых, опутанная паутиной. – Да, – повторяю я и затем добавляю: – Пипец.

Выдержка из бестселлера «Ваш ли это выбор? Почему вся ваша жизнь может выйти из-под контроля», с. 73.

В 1975 году мои коллеги из Австралийского университета г. Брисбена ставили опыты на четырехстах крысах. Они построили несколько лабиринтов (лабиринт – это метафора нашей жизни, дорогие читатели), и вдоль каждого расставили множество ловушек, приманок, преград. В конце лабиринта находился кусок пикантного сыра – ученые выбрали рокфор, и этот выбор был обусловлен ироничной отсылкой к любимому персонажу главного исследователя, детективу Рокфорду⁷. (Прекрасная игра слов; жаль, что не мной придумано!)

Приблизительно одна треть лабораторных крыс перед началом эксперимента получила крошечный кусочек сыра, так что они уже понимали (и чувствовали, в прямом и переносном смысле), за чем охотятся (вы и эту метафору уловили, верно, дорогие читатели? Они

⁷ Главный герой американского сериала «Досье детектива Рокфорда».

знали, какая у них конечная цель, подобно тому, как люди часто ставят для себя цели и стремятся воплотить свои амбиции. Что, как вы уже знаете из прочитанного, им неподвластно). Остальным крысам либо дали понюхать сыр, либо... ничего не дали. (Добро пожаловать в реальный мир, милые грызуны!)

Перед моими коллегами стояла задача выяснить, в самом ли деле крысы, зная, какая их ожидает награда, будут упорнее на пути к ней, не станут по пути отвлекаться, преодолеют ловушки, смогут противостоять, когда им навстречу покажутся стеклянные шарики, когда громкий шум испугает их так, что захочется бежать в противоположном направлении. Будут ли показатели у этих крыс выше, чем у тех, которые вообще не знают, за что им предстоит бороться, или у тех, которые ощутили только аромат счастья?

Вот что получилось, дорогие читатели: крыс выпустили и обнаружили, что не существует ни малейшей связи между пониманием конечной цели – и, как следствие, стремлением к ней, поскольку, откровенно говоря, крысы больше всего любят сыр – и показателями успеха относительно крыс, которые безучастно бродили по лабиринту и уворачивались от препятствий лишь из самосохранения, а не ради награды. Многие крысы из всех трех групп заблудились, свернули не туда, некоторые попались в последнюю и самую главную ловушку – клетку с защелкой. Лишь треть все же добралась до рокфора, большинство по воле случая и, конечно, потому что они просто продолжали двигаться. Некоторые достаточно быстро бегали, чтобы не попасться в ловушку, некоторые двигались слишком медленно, и ловушки закрывались раньше, чем крысы успевали до них добраться. Не было никаких причин, почему успеха добился именно тот, кто добился. Просто крысы, бегущие по лабиринту, следующие от перегородки к перегородке, действовали в своем ритме; их выбор, их инстинкты не имели значения.

Дорогие читатели, думаю, метафору в этом случае пояснять не нужно?

Аналогий с сыром можно не проводить.

5

В семь тридцать Шона все еще нет дома, так что я отправляю Никки в пиццерию за углом, а когда он спрашивает, нельзя ли ему заскочить в магазин и купить себе «Скиттлз», я думаю – черт возьми, я же не его мать! – и вручаю ему три лишних доллара. Я попросила бы его прихватить бутылку дешевого вина, но мне было бы неприятно узнать, что он подделал удостоверение личности. Нью-йоркские подростки и не на такое способны.

Впрочем, я в двенадцать совсем ничего собой не представляла. Моя старшая сестра Райна считалась уверенной в себе (теперь она работает в ведущей юридической компании, у нее идеальный муж и четверо детей); младшего брата Оливера считали творческой личностью (теперь он – учитель йоги в уединенной индийской обители, и его «твиттер» читают больше ста тысяч человек; как ни парадоксально, Райна, кажется, равнодушна к йоге, хотя откуда мне знать?).

Но что касается меня – я всегда была никем. Просто Уиллой, которой лучше было бы родиться Уильямом. Я не ходила, как Никки, за всеми по пятам и не засыпала их вопросами – но свои вопросы были и у меня. Я не была лидером, не была изгоем, не была умной, не была глупой. Я всегда была довольно симпатичной – темные волосы, большие глаза, – но недостаточно красивой, чтобы моя внешность что-то значила; у меня довольно поздно выросла грудь, так что девственности я лишилась только в первый год учебы в колледже, в ноябре. Еще раньше я познакомилась с Ванессой – она говорила мне, какой надо быть, и я ее слушалась. Я носила мартенсы (пока они не вышли из моды), я говорила, что пиво «Амстел» гораздо лучше слабоалкогольного напитка «Зима» (втайне предпочитая последний), я научилась танцевать под Принса и курить, не кашляя, я перецеловала достаточно парней, чтобы наконец переспать с одним из них.

Но в двенадцать? Кто знает, какой я была. В мой двенадцатый день рождения мы с мамой отправились в Диснейленд. Я была слишком взрослой для подобных развлечений, но она предложила, а я никогда там не была, и к тому же мы с мамой мало времени проводили вместе, поэтому я обрадовалась, захлопала в ладоши и крепко ее обняла, услышав такое предложение. Но в первый день путешествия, когда мы как раз собрались съехать с «Поющей горы», карусели сломались. Совершенно сломались. Нас даже показывали в местных новостях.

Мы висели над пропастью почти пять часов – ни вверх, ни вниз, только болтались из стороны в сторону. Где-то на четвертом часу пыток парень за нашей спиной, молодой человек из Кентукки, начал вопить, что подаст в суд на Уолта Диснея. Его юная супруга визжала: «Да!» и «Покажи этим засранцам!»

Четверо пассажиров в машинке перед нами оказались довольно близко от бассейна, так что они решили рискнуть и прыгнуть туда. Трое сразу же выскочили из воды и вскарабкались на бортик, а четвертая все никак не появлялась, и я ждала, ждала, ждала, задержав дыхание, и думала: неужели такова судьба этой женщины, неужели ей на роду написано выпрыгнуть из машинки на «Поющей горе», сломавшейся из-за перегоревшего предохранителя, упасть в бассейн и утонуть? Наконец она показалась над водой и закричала, что сломала лодыжку, так что одному мужчине пришлось прыгать в воду, чтобы ее спасти. Мама наблюдала за всем этим с неизменным стоицизмом, который я унаследовала от нее, – отчасти замороженная неясной перспективой, отчасти неуверенная, можно ли быть этим замороженной; посмотрев на меня, мама пожала плечами.

– Прости за отстойный день рождения, – сказала она.

– Ты не виновата. Ты же не знала.

– Ну да, – ответила она. – Но день рождения все равно получился отстойным.

Пять часов спустя нас наконец вытащили; нам предложили купоны на посещение буфета и купон на свободное посещение аттракционов до конца наших дней. Но мы с мамой больше не были настроены на приключения, поэтому на следующее утро взяли такси до аэропорта и приехали домой. Отец смотрел сводки новостей, так что он лишь посмеялся и вручил мне скейтборд, перевязанный ленточкой. Как будто мне когда-нибудь хотелось скейтборд. Как будто его когда-нибудь интересовало, чего бы мне хотелось.

– Я – не Уильям, – сказала я ему. Он посмотрел на меня вполоборота, наморщив лоб; я вздохнула и направилась в свою спальню, чтобы там закрыться, по дороге подбросив скейтборд в комнату Оливера.

* * *

Никки возвращается с пиццей пепперони и пачкой «Тропических Скиттлз»; звучит ужасно, но здорово возбуждает аппетит, если он вам нужен.

– Круто, – говорит он. – Мама мне не разрешает есть всякое дерьмо. Она помешалась на биопродуктах.

– Надо бы и мне перейти на них, – отвечаю я. – Говорят, они продлевают жизнь на три года. – Я слизываю жир с пепперони и прижимаю кусок теста к небу. Может, это и не биопродукт, ну да какая разница.

– А вдруг вас завтра собьет автобус?

Я согласно киваю. Интересно, он думает о своем отце, как я думаю о его отце?

– Это даже хорошо, если собьет автобус, – продолжает он, вытягивая губами длинную нитку плавленого сыра. – Я имею в виду, неплохая смерть. Бум – и все.

– А меня сегодня уволили, – говорю я. Жир пиццы стекает мне в горло.

– Вот блин.

– Ты первый, кому я рассказала. Наверное, это неправильно.

– Да, – отвечает Никки. – А где дядя Шон?

Экран моего мобильного загорается. Я тянусь за телефоном, как собака Павлова.

– Это, наверное, он.

Уведомление.

Теодор Брэкстон прислал вам сообщение на Facebook.

– Вот дерьмо, – бурчу я и ловлю на себе взгляд Никки. – Ой, прости. Не надо так говорить. Я хотела сказать – дерево. Де-ре-во.

– Ну и что, я все время говорю «дерьмо».

– Так нельзя. Почему твоя мама меня не предупредила, что ты все время говоришь «дерьмо»? Представь – будешь ты поступать в колледж, скажешь на вступительных экзаменах «дерьмо» и не поступишь.

Я иду к холодильнику в надежде найти бутылочку вина. Должно же где-то в этом доме быть вино.

– Я сирота и жертва теракта. Я могу сказать экзаменатору: «Твоя мамаша настоящая сраная какашка», и меня все равно возьмут в Гарвард.

Я отрываюсь от раскопок в холодильнике и смотрю ему в глаза.

– Во-первых, нельзя говорить такие ужасные вещи. Во-вторых, вряд ли это правда. В-третьих, даже если это правда, все равно надо вести себя достойно.

– Я веду себя достойно, – говорит он. – Мой учитель английского говорит, у меня лучшее в классе воображение. Говорит, из меня получится писатель.

– Правда?

– Чему ты удивляешься?

– Я не удивляюсь. – Я переключаю внимание на нижнюю полку холодильника, вина там не нахожу, только бутылку пива, срок годности которой истек еще в позапрошлый чемпионат мира по футболу, но не все ли равно, черт возьми.

– Ни разу не видел, чтоб вы пили пиво. – Никки улыбается. – Вам больше подходит белое вино.

– Тебе двенадцать или тридцать семь? Очень уж ты рассудительный. И странный.

– Подобное притягивает подобное, – он смеется.

– Хочешь сказать, я тоже странная? Обо мне можно много чего сказать, но что я не странная – так это точно. Я настоящая Швейцария.

– Странные люди никогда не признают себя странными, – говорит он. – Меньше знаешь – лучше спишь.

– Да, так и есть. Твое здоровье, – я чокаюсь бутылкой с его банкой колы.

* * *

Теодор Брэкстон

Друзья: 321

Город: Сизтл, Вашингтон

Семейное положение: все сложно

Заголовок: Можешь не обращать на меня внимания

Милая У.,

Я все думал, писать тебе или нет. Вот, пишу. Но не знаю, отправлять или нет. Смешно, правда? Нет, совсем не смешно. Разве что иронично. Но тем не менее. Меня затягивает в болото, и даже я не знаю, как оттуда выбраться. Кто бы мог подарок? (Я что, написал вместо «подумать» – «подарок»? Проклятый интеллектуальный ввод. Прости меня. Я просто не знаю, о чем писать. К тому же я нервничаю. И боюсь.)

Тебе покажется странным, что я вообще тебе пишу. Я имею в виду, в последний раз, когда мы виделись, все прошло далеко не идеально, и ты теперь, наверное, меня ненавидишь. Я понимаю почему.

Так вот, у меня недавно обнаружили рак яичка. Ты можешь в это поверить? Видимо, мои яйца разозлились, что у них слишком много работы, и решили мне отомстить. (Это шутка, ты же поняла? Никогда не умел шутить.) Все будет хорошо – ну, яйцом меньше, – но эта болезнь заставила меня о многом задуматься. Переосмыслить все, что было в моей жизни, и понять, что где-то, возможно, сделал неправильный выбор. Я понятно объясняю? Конечно, я уж никак не из тех, кто стал бы заикливаться на чем бы то ни было, но несколько месяцев назад, когда меня начали готовить к операции, я думал лишь об одном: почему я порвал с Уиллой и что теперь делать?

Ну как-то так. Ух ты, какое длинное получилось сообщение. Я не то чтобы хочу сказать «пожалуйста, брось мужа» или «пожалуйста, пожалей меня», я просто... хочу, чтобы ты знала.

Целую,

Т.

* * *

Так и знала – лучше бы мне не читать.

Я повторяю эти слова снова и снова, лежа на полу ванной; живот сводит спазмами. Виной тому – нервы, и адреналин, и Теодор, и ящик Пандоры, обнаруженный на «Фейсбуке».

Зачем я это прочитала?

Нужно позвонить Ванессе, и она скажет – напиши ему ответ. Может быть, Райне, и она в любом случае назовет меня идиоткой несчастной. Оливер однажды показал мне, как дышать в случае панической атаки, так что я с трудом сажусь и заставляю диафрагму расширяться, затем сужаться, затем снова расширяться; воздух, проходя через нос, свистит, словно дразнит меня.

Я думаю о Теодоре – и сожалею о прошлом, хотя отец говорил, что сожаление – просто неверно понимаемая ностальгия. Можно сколько угодно смотреть в прошлое с любовью и даже с тоской, можно мучить себя бесконечными мыслями – а что, если бы... но ничего не изменится. Настоящее останется настоящим. Будущее будет таким, каким ему суждено быть.

Мой желудок снова сжимается, и я пытаюсь справиться с приступом ностальгии, не думать, что, возможно, надо было сказать Тео «да», возможно, он и был моей Швейцарией, просто я невнимательно смотрела на карту. Я знаю – это глупо, я все сделала правильно, мой суженый – Шон. Но от тоски, и ностальгии, и извечного вопроса «а что, если...» никуда не денешься, даже если сам все знаешь.

Я поднимаю крышку унитаза; меня тошнит. Подбегаю к раковине, плещу водой в лицо, рассматриваю свое отражение в зеркале, надеюсь как можно надежнее отделить прошедшую часть моей жизни от той, которую проживаю сейчас. Дважды спускаю воду в туалете, чтобы убедиться – все смылось. Вроде бы да, но потом меня снова тошнит, и я понимаю – все не так, как кажется.

* * *

– Ты сегодня заработался, – говорю я Шону тем же вечером. Наконец придя домой, он проверяет почту с телефона, а Никки тем временем переключает платные каналы, просмотр, хотя ему уже давно пора спать.

– Угу. Загрузили.

– Новый проект?

Он обводит взглядом холодильник, слушая меня краем уха.

– Что? – поднимает взгляд вверх. – А, не. Ну вообще да, но сегодня мы с ребятами еще ходили играть в гольф.

– В гольф? Ты же не умеешь.

– Хочу научиться. – Он смотрит в телевизор, и его глаза расширяются. – Стой, стой, стой, стой! – кричит он Никки, – оставь «Крепкий орешек»!

«Виноград»! Гольф!

Шон перепрыгивает через спинку дивана и плюхается на него. Обычно он через диваны не прыгает. Хотя он довольно подтянутый, все-таки он верит в программистские мантры «чат сжигает калории» и «качай мозги, а не мышцы, чувак!» (Кто-то из его приятелей даже наклеил себе такой плакат на задний бампер.) Я смотрю, как Шон любит Брюсом Уиллисом, и думаю: интересно, бегают ли он без меня (в наши планы входил забег на три мили по выходным, но потом мы решили, что забег на ноль миль – гораздо лучший отдых, а выходные ведь для того и нужны, чтобы отдохнуть), и если да, то с кем. И ради кого.

– Этому мужику лет сто, – говорит Никки, – и вдобавок он лысый.

– Тебе нужно иметь перед глазами положительный пример, – заявляет на это Шон. – Джон Макклейн⁸ рулит.

– Если уж говорить о положительных примерах, – говорю я, – не забудь, завтра мы ужинаем с моими родителями. Никки, ты в числе приглашенных.

– Мы же передумали? – интересуется Шон, не отрываясь от экрана.

– Было уже поздно, и ресторан отказался отменить заказ.

Немного помолчав, Шон говорит:

– Просто я, типа, купил билеты на бейсбол. Хотел сводить Никки.

– Ты, типа, купил или ты купил?

Теперь он наконец-то соизволил ко мне повернуться.

– Ну, купил, – и улыбается своей фирменной виноватой улыбкой плохого парня. Не будь «Винограда», гольфа, прыжков через диван и предательства родной Швейцарии, я, может, и улыбнулась бы в ответ. Теперь же я, ничего не ответив, достаю из холодильника брикет мороженого и бросаю его на стол. Открыть упаковку никак не получается, поэтому я тяну за край изо всех сил, сжав брикет бедрами. Раньше Шон не принимал серьезных решений, не посоветовавшись со мной; мы даже установили себе приложение «Список дел для двоих». (Вы добавляете новые задачи, и они сразу же появляются в списке вашего партнера; очень удобно, обратите внимание. Я говорю об этом не просто так – я делала рекламу его производителям.)

Я пытаюсь пробить ложкой твердый как камень брикет мороженого (добавить в список Шона: «отрегулируй температуру холодильника, мать твою!») и охаю; бицепс и предплечье болят от напряжения. Лоб покрывается испариной, но я все глубже и глубже проталкиваю ложку в шоколадное лакомство. Мне удается отломить крошечный кусочек, и следовало бы положить его в тарелку Шону, но вместо этого я кладу его в рот.

О да. Божественный вкус сахара и мести.

Я продолжаю ковырять ложкой мороженое, полностью погружаясь в это занятие, стараясь не думать о своей досаде, не думать о Теодоре и его письме – я очень хорошо умею не думать о плохом.

Но эта мысль – о Теодоре – точит и точит меня как червь.

Я выдыхаю, когда удается подцепить полноценную ложку мороженого.

Почему я порвал с Уиллой?

Я напоминаю себе: надо погуглить, что такое рак яичка, когда Шон уснет.

⁸ Джон Макклейн – герой серии фильмов «Крепкий орешек».

6

Райна согласна подвезти меня до ресторана. Ровно в шесть часов она заезжает за мной на своем «Кадиллаке», сажает меня на заднее сиденье, подает водителю знак ехать дальше. Потом, повернувшись, разглядывает меня.

– Пока ты не начала советовать мне сменить прическу или очистить кожу, сообщаю, что вчера меня уволили, – говорю я, пока мы стоим-едем-стоим-едем-стоим-едем по Третьей авеню.

– Клифф, поедem через парк, – говорит она водителю.

– Не рассказывай маме с папой, – добавляю я. Клифф слишком резко тормозит, и ремень безопасности впивается мне в ключицу.

– Неправда, я в жизни не критиковала твою прическу, – Райна улыбается, потом хмурится: – Тебя уволили? – Хотя она старается выразить сочувствие, ее брови слишком неподвижны. Я пристально смотрю на нее.

– Да, – сознается она. – Я вколола ботокс. Не рассказывай маме с папой.

– Мне бы не пришлось. Это же очеви...

– Заткнись, Уилла, – перебивает она, – пройдет.

– Извини.

– Хочешь, я спрошу своих?

– Насчет ботокса?

– Насчет работы для тебя, Уилла. И хватит об этом. У меня четверо детей, им и семи еще нет, и я к тому же – одна из трех женщин нашей фирмы. Я не молодею. Ботокс – мой подарок самой себе.

– А я думала, подарок самой себе – твой тренер.

– И он тоже.

– Хм-м-м, – говорю я, – как нехорошо. А Джереми знает?

– Да заткнись ты уже. – Джип перед нами наконец вырывается вперед, и нам удается без остановок проехать два квартала. Потом она говорит, как будто все это время обдумывала свою реплику: – К тому же я уверена, что Николая – гей, – и вздыхает. – А что случилось с твоей работой? Может, тебе помочь?

– Случились подгузники для взрослых, вот что случилось.

– Че-го?

Я начинаю рассказывать о подгузниках, о сексуальности, о том, как писала сообщения Ванессе, потому что только Ванесса могла спасти ситуацию, но все это не имеет смысла, поскольку мобильник Райны пищит. Она бросает резкий взгляд на экран и отключает телефон.

– Джереми обещал, что справится со всеми четырьмя. Отлично справляется – с тем, чтобы засыпать меня глупыми вопросами. Милый муж, я уверена, что трусы Элоизы лежат в ящике с трусами Элоизы.

– А где же Глория?

– Я даю ей выходной по субботам. Два раза в месяц.

– Очень гуманно с твоей стороны.

– Господи, Уилла! Я и так все знаю. Я работающая молодая мама, дети которой все время с няней, я донельзя избалована, и как мне не стыдно, и все такое. Честное слово, я все понимаю! Но сегодня *именно ты* попросила меня подвезти тебя до ресторана, потому что твой супруг нарушил священный закон Шиллы.

Клифф смотрит в зеркало заднего вида, потом быстро отводит взгляд.

– Что за Шилла?

– Неужели ты не слышала? Так мы называем вас, ребята, – Шон и Уилла, получается Шилла. Вы же все делаете вместе, – она улыбается, понимая, что это довольно гадко, но вместе с тем достаточно верно.

– Шилла, – повторяю я. – Звучит как название эскимосского города где-нибудь на Аляске.

– Ну, все лучше Бранджелины.

– Мы могли бы стать Бранджелиной.

– Ну нет, ты не Энджи, – говорит она, но вовремя останавливается. – Ладно, прости, я просто завидую. Ты могла бы быть на месте Энджи.

Мы обе знаем, что я не могла бы быть на месте Энджи, но все равно это очень мило с ее стороны.

– Не поняла, а чему ты завидуешь?

– Тому, что вы, ребята, постоянно вместе. Помнишь, год назад или около того мы с тобой собрались пойти на маникюр, а Шон увязался с нами, потому что ему было совершенно нечем заняться в воскресный день?

– Да уж, если так смотреть на вещи – все довольно печально.

Почему он тогда потащился с нами? Потому что не нашлось занятия получше?

– Ну что ты, это очень мило. Так мило, что порой тошнит. – Райна смеется, потом, задумавшись, рассматривает свой маникюр. – Знаешь, когда Джереми в последний раз добровольно соглашался провести со мной время?

– Не говори так, – прошу я. – Он любит тебя. И к тому же сегодня Шона с нами нет, значит, мы не постоянно вместе.

Потому что у него много дел в баре «Виноград». Потому что он слишком устал, чтобы целоваться со мной в Нор Лее в ожидании роллов!

Мы стоим на светофоре; пробка кажется бесконечной, таксисты сигналият, пешеходы мечутся, лавируя между машинами и не обращая внимания на пешеходные дорожки, переходы и какие бы то ни было правила дорожного движения.

Я опускаю оконное стекло и кричу:

– Для кого правила придумали?

Сердитая девица лет двадцати с хвостиком, оторвавшись от дрянного журнальчика, который читает на ходу, показывает мне средний палец. Залившись краской, я тут же поднимаю стекло.

– Не знаю, зачем я это сделала, – мычу я.

– Не важно, – Райна вздыхает, – постарайся не скандалить. В моей жизни и без того достаточно дерьма. В твоей хотя бы есть Шилла.

– Прости, что раскритиковала твой ботокс, – говорю я, отчасти потому что мне и впрямь стыдно, отчасти потому, что я не люблю спорить. – Веду себя как стерва. Но это все потому, что меня уволили, и потому, что у Шона не то кризис среднего возраста, не то роман, и потому, что меня посещают странные фантазии о Теодоре Брэкстоне...

Я замолкаю. Клифф включает радио, чтобы заполнить неловкую паузу, и начинает играть какой-то отупляющий хип-хоп: бас ревет, слова не разобрать. Райна качает головой в такт – она наверняка слышала эту песню где-нибудь на фитнесе – и роется в кошельке.

– Вот, держи, – она протягивает мне пилюлю.

– Что это?

– Антидепрессант⁹. – Еще одна таблетка торчит у нее изо рта.

– Ты принимаешь таблетки?

⁹ Транквилизатор.

– Господи, Уилла, уже давно, – она чешет переносицу. – Ты обо всем узнаешь последней.

* * *

Родители ждут нас в ресторане «Времена года». Я увидела их раньше, чем они нас: мама вытирает платочком уголки рта, отец изучает меню так внимательно, словно в первый раз его видит. Антидепрессант отупил меня, снял напряжение, и хотя я все еще слегка ощущаю – что я ощущаю? тревогу? напряжение? желание получить похвалу от отца? – все эти эмоции не волнуют меня, словно у меня против них иммунитет.

Мама машет мне рукой, потом замечает за моей спиной Райну, и ее улыбка из дружеской становится счастливой. Старшая дочь. Любимица. И я, дочь, которая должна была быть сыном.

Мы пробираемся сквозь толпу, мама встает и, сжав ладонями щеки Райны, крепко целует ее в одну, потом в другую.

– Вот так сюрприз! Явились оба ребенка!

– Вообще-то у тебя их трое, – напоминаю я. Официант пододвигает мне стул, и я сажусь.

– Ах да, Оливер... но о его жизни можно узнать разве что из этого, как его там... свитера.

– «Твиттера», – уточняю я.

– А, да, да! – мама реагирует слишком уж бурно.

– Привет, девочки, – отец целует мне руку. – Райна, что привело тебя сюда? Я думал, ты готовишься к заседанию.

– Шон с Никки пошли на бейсбол, – начинаю я, – выяснилось в последнюю минуту...

– Да, у меня заседание, но я нашла время, – перебивает меня Райна. Отец жестом подзывает официанта.

– Вот и хорошо, – говорит он. – Мы хотели обсудить с тобой кое-что личное.

– А со мной? – спрашиваю я. То ли мои мозги медленно соображают из-за антидепрессанта, то ли отец намеренно подчеркивает, что рад только Райне.

– С нашими детьми, – говорит мама и поджимает губы; морщинки над ними пачкаются ярко-красной помадой. Она выглядит усталой и гораздо более замученной, чем в нашу предыдущую встречу, которая состоялась всего месяц назад в этом же самом ресторане за этим же самым столом.

– Кто-то из вас умирает? – задает Райна насущный вопрос. Я уверена – она подсела на эти пилюли, они вошли у нее в привычку, как конфетка, как бокал белого вина. Взгляд у нее осмысленный, но она спокойна, во всяком случае, спокойнее, чем обычно.

– Никто из нас не умирает, – отвечает мама, вертя в руках вилку и не глядя на нас.

– Давайте сделаем заказ, – предлагает отец, – я ужасно проголодался. Целый день на Си-эн-эн, а их зеленая комната – на любителя.

– Как ты изящно сейчас выпендрился, – замечает Райна.

– Что? – Мама явно смущена. – Как ты сказала?

– Забудь, – говорит Райна.

– Не смей разговаривать со мной в таком тоне, юная леди, – рявкает отец. – Не знаю и знать не хочу, что значит «выпендрился», – он поднимает и опускает пальцы, показывая кавычки. Мне это кажется странным, словно отец строит из себя тинейджера, но потом я вспоминаю, что он просто любит ставить кавычки где ни попадя; он всегда так поступал, переписывая чужие рассказы. Он продолжает:

– В Бирме сегодня было землетрясение, многие расстались с жизнью, так что всем было не до меня. Я только и выступал в перерывах между новостями.

– Понимаю, папочка, – говорит Райна, чтобы его успокоить. Официант как раз принес вино, она берет бокал и делает большой глоток, давая понять – ее реплика закончена.

Я улыбаюсь перекошенной улыбкой, словно жертва лоботомии. Я уже и забыла, какой энергичной может быть Райна, которая в свое время отказалась верить в пророчества отца, которая смогла найти свой путь, приведший ее в юридический вуз; а потом она утонула в работе, воспитании двоих детей, воспитании четверых детей, благотворительности, «кадиллаках», и вот теперь уже нянечка безвылазно живет у них в доме, пока Райна ищет того, чего ищут все работающие мамы, – баланса. Да, и прибавьте к этому зависимость от таблеток. Но зато папочка не запудрил ей мозги, а значит, она поистине уникал. Если не считать за людей апелляционную комиссию, присуждавшую Нобелевскую премию, – а мой отец их за людей не считает, – а также Пенджаба Шарма.

– Слушайте, если кто-то из вас умирает, скажите лучше сейчас, – говорю я. Мои веки отяжелели, голова, наоборот, стала слишком легкой. Такая затуманенность сознания не так уж и плоха. Я думаю о Теодоре – наверное, стоило ответить ему на сообщение. Я хотела довериться своей интуиции, но сложность состояла в том, что я вообще разучилась себе доверять. Я всегда во всем сомневалась, и, хотя учитывала свою точку зрения как одну из возможных, никогда всерьез ее не рассматривала. Мой мозг был постоянно не в ладах сам с собой; виной тому было отчасти отцовское воспитание, отчасти паралич воли, мешавший мне идти против его философии.

Теодор знал об этом – потому что он вообще хорошо меня знал, хотя та женщина, которой я была в двадцать пять, сильно отличалась от меня нынешней, поэтому сейчас нельзя сказать, что он хорошо меня знает, – ведь прошло семь лет. Целая жизнь. Для собаки, например, полжизни.

Я закрываю глаза и слушаю стук вилок по тарелкам, отдаленные разговоры, звуки фортепиано, тихо плывущие над шумом голосов, и внезапно осознаю, что хотя я вышла замуж, и пять лет проработала в агентстве, и сменила квартиру, и стала тетей, и сделала целую кучу тестов на беременность, но, в сущности, я по-прежнему сижу с родителями в том же самом ресторане, что и всегда, и Райна все так же пререкается с ними, и отец все так же страдает манией величия, и мама по-прежнему это поощряет, а Шилла (это название нравится мне все больше), по большому счету, очень непрочный союз. Я понимаю, что, в общем-то, ничего не изменилось. Кем я была в двадцать пять, тем и осталась.

Мой отец всегда говорил: люди не меняются. Если по моим тридцати двум годам можно сделать такой вывод – он прав. Вот черт.

Я открываю глаза и вижу, как мама расстилает на коленях салфетку, а потом убирает ее.

– Давайте наслаждаться морским окуном, – говорит она. Я бы и рада наслаждаться морским окуном, но Райну скрутило, как штопор.

Так что я говорю:

– Мы не можем наслаждаться морским окуном, когда кто-то из вас умирает.

– Если бы кто-то из нас умирал, – отвечает отец, – надеюсь, вы бы к этому отнеслись серьезнее, чем сейчас. Даже учитывая тот факт, – тут он не может удержаться, – что так было бы назначено судьбой. Надеюсь, вы знаете, что если бы вашей матери или мне суждено было бы умереть, я не стал бы поднимать шумиху.

Мышцы челюсти Райны напрягаются, она клонит голову набок, и я отчетливо слышу: чпок!

– Тогда что случилось? – говорит она. – Узнаю – и буду наслаждаться морским окуном.

Мама откашливается, снова поджигает губы. Смотрит на отца, потом отводит взгляд – от него помощи никакой (разумеется).

– Я как раз и хотела сказать, – мама делает большой глоток вина, прежде чем продолжить. – У отца был... тяжелый год. Из-за Нобелевки...

– Папа, но ты же понимаешь – есть вещи и похуже, чем оказаться в списке кандидатов на Нобелевку? – спрашивает Райна.

– Его сильно ранило это событие, – перебивает мама. – И потом еще охранный ордер...

– Пенджаб не имел права! Претензии не принимаются! – кричит отец; изо рта у него вылетает кусок хлеба и бесцеремонно приземляется в мое блюдо, прямо в оливковое масло. Мама дергается в сторону, я подвигаю блюдо поближе к середине стола.

– Так вот, из-за всех этих перипетий ваш отец пришел к некоторым решениям. Я не то чтобы с ними согласна, но... ну вы понимаете, – мама машет рукой, будто этот жест все объясняет. Хотя... все объясняет фраза «ну, вы понимаете», эвфемизм ничем не хуже прочих, существующих в любой семье. Отец отхаркивает слизь и выдает:

– Она пытается объяснить вам, что я намереваюсь завести любовницу.

От неожиданности Райна выплевывает вино обратно в бокал. И даже я, хотя моя голова мутная и соображает туго, ощущаю, как расширились мои глаза и вытянулось лицо.

– Господи, папа! – Райна опускает голову, закрывает лицо руками. – Ты серьезно? Господи Иисусе!

– Хорошо, что я не заказала окуня, – говорю я.

– Ну, девочки, будем откровенны, – предлагает мама, словно считает своим долгом защитить отца, словно, прожив с ним сорок лет, не сделала ему тем самым лучший подарок из всех. – Мы с папой женаты уже очень долго, и вполне нормально рассмотреть другие варианты. К тому же он объяснил мне все это с весьма разумной точки зрения, и теперь я тоже подумываю завести любовника!

Официант, намеренный принять наш заказ, внезапно останавливается, а затем поворачивается к соседнему столику.

– Мама! – вопит Райна. – О боже!

– Детка, тебе почти сорок. Мне кажется, тебе уже можно рассказать правду.

Райна лезет в сумочку за мобильным.

– Я должна идти к детям. Простите. И мне еще далеко до сорока.

Она резко встает и выходит; мы все молча провожаем ее взглядом.

– Она всегда была грубой. Не то что ты, Уилла, – говорит отец, не отводя взгляда от Райны, пока она не скрывается за дверью коридора. Вот что он имеет в виду: она никогда не могла понять его образ мысли, следовательно, она никогда не любила его так, как я.

– Перестаньте, прошу вас, – я слышать всего этого не могу. Ни один мускул не дрогнул на лице отца, но я вижу, как дергается жилка на его шее.

– Уилла, – мама накрывает мою ладонь своей.

– Мама, – отвечаю я, и внезапно мои глаза закрываются.

Она придвигается поближе; я чувствую аромат ее духов «Шанель», запах детства, и ощущаю некое подобие ностальгии, а потом она говорит:

– Не грусти. После сорока лет, проведенных вместе, это такое облегчение!

7

Шон готовит на завтрак яичницу. Это одна из наших традиций. Райна непременно добавила бы ее в «список Шиллы» наряду с совместными походами на маникюр, если бы она составила такой список (а она может).

Меня будит не запах топленого жира, а звонок в дверь. Благодаря антидепрессантам я провалилась в глубокий сон без сновидений и, проснувшись, не понимаю, что происходит. Мои веки не хотят открываться, губы слиплись, словно я наелась клея. В дверь спальни стучатся, а затем просовывается голова Ванессы.

– Очень мило, – говорит она, как будто я должна была ждать ее, готовиться к ее приходу, убрать квартиру и одеться во все лучшее.

– Что ты тут делаешь? Сейчас... восемь утра, а я – безработная. Так что чеши отсюда, я спать хочу.

– Сегодня воскресенье, так что нет разницы, безработная ты или нет. И кажется, мы во имя работы над книгой собирались совершить свободное падение?

Я совсем забыла. Чтобы привлечь в наш город туристов, городской совет решил провести так называемое «свободное падение» с Бруклинского моста. На самом деле это был самый обыкновенный прыжок с тарзанки, только разрекламированный, и если бы кто-то из представителей администрации отправился на Сорок вторую улицу, он увидел бы массовое бегство туристов, а отнюдь не приток. Но тем не менее. Продюсеры шоу «Рискни» решили использовать это событие, чтобы объявить о книге; рассылать информационные бюллетени им было явно не по душе. Куда лучше сбросить писателя с моста. Ванесса попросила меня составить ей компанию, потому что испытывала ужас, оказавшись на высоте пятого этажа; но этот ужас не мог заставить ее отказаться от работы или чего-нибудь еще. Никогда не мог.

Я добавила свободное падение в список дел на сегодня, но не заглянула туда, потому что мой мозг был затуманен антидепрессантами. Я беру с тумбочки телефон.

Список дел на сегодня:

Прыжок с тарзанки ради книги Ванессы!!!

– Уфф, – ворчу я, – ладно. Хорошо. Я сейчас. Десять минут.

Она аккуратно закрывает дверь; я вытягиваюсь на кровати – спина болит, мысли невеселые. Потом сижу на краю матраса, пока наконец не нахожу в себе силы подняться, доплестись до ванной, почистить зубы, брызнуть себе водой в лицо, поднять с пола спортивные штаны и майку, которые валялись там с прошлой недели. Смотрю в зеркало – вид у меня помятый, бледный и вообще какой-то нечеловеческий, – но делать нечего, кроме как встречать новый день.

– Тебя уволили? – Этой фразой встречает меня Шон. Я уже лежала в отключке, когда они с Никки вернулись с бейсбола. Видимо, он опять уснул на диване. На нем до сих пор толстовка с логотипом Джитера¹⁰. Я сердито смотрю на Ванессу.

– Это ты ему рассказала?

– Я никому ничего не рассказывала. Я просто делаю свое дело. Ем яичницу, – она взмахивает вилкой в воздухе и с чрезмерным усердием вновь принимается за еду, словно подтверждая свои слова.

– Мне рассказал Никки. Но ведь ты сама собиралась мне все рассказать?

– Собиралась, – я поддвигаю к себе стул. Шон ставит тарелку как раз напротив моей, как по линии сборки. Каждое воскресенье, с тех пор как мы стали жить вместе, он гото-

¹⁰ Дерек Джитер – американский бейсболист.

вит яичницу. Когда мы только-только поженились, он клал туда кусок ветчины, вырезанный в форме улыбки, а сверху – две маленькие клубничины, и утром меня встречал радостный смайлик. Теперь – я недоверчиво смотрю на яичницу – это просто яичница, и больше ничего. Но нужно быть благодарной уже за то, что он соблюдает наш воскресный ритуал, что не предпочел ему поздний завтрак в какой-нибудь новомодной кафешке Уильямсберга, не купил блинницу или не придумал что-нибудь еще; однако сейчас я чувствую все меньше благодарности, она понемногу медленно покидает меня, словно просачиваясь через ситечко.

– Как раз вчера и собиралась, – говорю я наконец. – Просто мы с тобой почти не общались наедине с тех пор, как это случилось. Но теперь ты и сам все знаешь. Ханна была под коксом, и мне пришлось без нее проводить встречу с «Надежными», и все прошло хуже некуда – я уже говорила; заказчиков потеряли, поэтому Ханну уволили, ну и меня уволили тоже. В общем, сам знаешь – свобода или смерть, Шон! Вот что главное! Свобода или смерть, мать твою!

Теперь настал мой черед запихнуть себе в рот огромный кусок яичницы, подавиться им и закатить глаза – чем не эффектный финал рассказа.

– Что ты хочешь этим сказать? Ты о чем вообще?

– Это все вселенная, черт бы ее побрал! – рычу я.

– Ладно. От меня-то ты чего хочешь?

Ванесса громко вздыхает; Шон сердито смотрит на меня.

– Почему ты разговариваешь со мной в таком тоне? Я ни в чем не виноват.

Я судорожно сглатываю и опускаю голову. Потом снова смотрю на Шона.

– Прости. Надо было сразу тебе сказать. И за тон тоже прости. Я уже поняла – на тебя бесполезно злиться. Злостью делу не поможешь.

Ванесса корчит рожицу, словно ей попался кислый грейпфрут.

– Я и не понял, что ты на меня злилась, – отвечает Шон. Остатки яичницы он кладет в пустую тарелку – для Никки, который, увидев их, наверняка расхохочется и потребует на завтрак поп-рокс со спрайтом. И мы, конечно, ему дадим и то и другое (желудок этого любителя восьмидесятых от такой пищи не взорвется, я смотрела в Гугле; так что нечего критиковать наши воспитательные методы).

– Думаю, нам пора, – говорит Ванесса. – Там надо быть к девяти, потому что в девять придет операторская группа, а я еще должна накраситься – это довольно глупо, потому что я все равно не дам снимать крупным планом свое перекошенное лицо с выпученными глазами, – она встает со стула. – И зачем я только наелась яичницы? Еще, чего доброго, стошнит перед прыжком. Знаете, как это бывает, – все возвращается на круги своя.

– Подожди, – говорит Шон мне (а не Ванессе, которая чересчур проворно заталкивает в рот последние куски), – почему ты злишься-то?

– С каких пор ты увлекся гольфом? – Мой тон слишком откровенен и недостаточно дружелюбен для обычного разговора.

– Ну... не знаю. Я пробую новое... Недавно.

– А эта куртка! – Я указываю на мотоциклетную куртку, которая лежит на диване и которую я заметила только что. – Зачем она тебе? Разве программисты такое носят?

– О-о, она клааасная, – Ванесса уже тянет к ней лапы. – Просто шикарная. По-настоящему ценная вещь. Она же от Варватоса! Сколько заплатил?

– Господи, Ванесса, ты можешь на минуту заткнуться? – говорю я и тут же начинаю извиняться: – Прости. Блин, я не хотела. Не знаю, что на меня сегодня нашло.

– Ладно, разбирайтесь без меня. А я без вас прыгну. Позвоните, когда закончите, – может, зайду на кофе.

Она быстро целует меня в щеку и убегает раньше, чем я успеваю попросить ее не оставлять меня одну. Мы с Шоном в кухне один на один. Он молча наливает себе еще кофе,

добавляет немного молока, и еще немного, и еще, так что это начинает сводить меня с ума. А я не хочу, чтобы мой муж сводил меня с ума, я хочу Шиллу! Но тут я вспоминаю про «Виноград» и понимаю, что не только я перед ним виновата.

Он всыпает в кофе примерно полпакета подсластителя, размешивает, отхлебывает, вздыхает. Потом отрывает кусок пищевой пленки и бережно, как новорожденного младенца, заворачивает тарелку Никки. Наконец поворачивается ко мне и говорит:

– Так почему ты на меня злишься?

– Я на тебя не злюсь.

– Нет, злишься. Ты сама сказала – цитирую: «На тебя бесполезно злиться».

Я уже готова закричать: «Виноград!» – но тут у него звонит телефон.

– Да, – говорит он, сев на спинку дивана. – А, да? Ладно. Хорошо. Надолго?

Следует довольно длительная пауза.

– Угу. Ладно. Нет, нет, все хорошо. Я хочу сказать – мне надо поговорить с Уиллой, – он умолкает.

Я чувствую, как напряжение спадает. Я не могу сейчас обсуждать с Шоном «Виноград». Этот разговор может все подорвать и вывести на поверхность то, к чему я еще не готова. И к тому же *ему* надо со мной поговорить. Мои мысли замирают. Я стараюсь успокоиться – вдыхаю и выдыхаю, как учил Оливер, – и не могу даже представить, о чем Шон хочет поговорить со мной – о любовнице, о разводе? С кем он сейчас разговаривает? Пожалуйста, вселенная, не причиняй мне боль. Пожалуйста, пусть Шон не окажется таким же, как тот приятель Голдмана, который переспал с Кэндис, подругой Иззи.

Шон говорит в телефон:

– Мы все обсудим. Конечно, конечно. Да, я понял. Уверен, Уилла будет только рада.

Я позволяю себе вдохнуть чуть больше воздуха – вряд ли он скажет шлюшке, которую встретил в «Винограде», на игре в гольф или где-то там еще, что я этому только рада. Я смотрю на него, но он внимательно разглядывает вид из окна. Кто знает, что он видит на горизонте. Но точно не меня.

– Он еще спит, – говорит Шон. – Скажу, чтобы позвонил тебе, когда проснется.

Снова пауза.

– Хорошо. Береги себя. Да, я понимаю.

Он нажимает на кнопку и какое-то время разглядывает пол, потом вспоминает, что я сижу как на иголках, что мы собирались кое-что обсудить и многого еще не сказали друг другу.

– Это Аманда, – он медленно поднимается, словно во время разговора потянул спину. – Ты ведь не против, чтобы Никки еще немного пожил у нас? – Не глядя мне в глаза, он тянется за чашкой.

– Ну хорошо. А немного – это сколько?

– Гм... большую часть лета.

– Большую часть лета?

– Она получила ту должность, в Танзании. Вообще-то это классно. Будет менять мир к лучшему.

– Никто и не отрицает, – интересно, не хочет ли он сказать, что я-то не меняю мир к лучшему, возясь с этими подгузниками. Господи, как будто я не знаю, что глупее их ничего и придумать нельзя! Иначе бы я не писала Ванессе сообщения на встрече с деловыми партнерами. Индиана Джонс, страдающий недержанием, – сексуальнее не придумаешь!

– Ну, ты понимаешь, – говорит Шон. – Там небезопасно, и Никки с собой не возьмешь, а эта работа очень важна для нее, и потом, ведь он поживет тут только до августа!

– Целое лето, Шон! Я думала, мы хотим завести ребенка!

– Да ладно тебе, Уилла! Разве Никки нам помешает над этим работать?

– Знаешь что, – говорю я рассерженно, – что-то мне уже и не хочется никакого ребенка. Неадекватная реакция на такой пустяк, согласна. Но я испытываю облегчение. Сказав это, я ощущаю, как тяжелый груз, давивший на меня изнутри, вдруг отпускает меня. Может быть, *ДокторЭллен* права. Может быть, не мешало бы мысленно перед ней извиниться. Может быть, кому-то из нас просто не суждено стать родителями, и если таков божественный замысел, может быть, мы просто должны ему следовать.

– Что? – возмущается Шон.

– Что слышал!

– Ты не хочешь ребенка?

– Мы снимаем этот вопрос с повестки дня! Все равно ничего не получается, как бы мы ни старались! Если я все еще не беременна, значит, это знак свыше!

– Откуда такие выводы? Из-за того, что Никки будет спать в гостевой комнате?

– Нет! – кричу я еще громче. Вдыхаю, выдыхаю через носовой канал, как показывал Оливер (он сказал – это называется пранаяма, и он лично знал йога, получавшего от нее оргазм). Чувствуя, как замедляется мой пульс, я медленно и тихо говорю: – Из-за... гольфа... и... бейсбола... и...

Я пытаюсь сказать, я знаю – нужно быть решительной и посмотреть правде в глаза... но я не могу. Отец сказал бы – виной всему мой рассудок, слишком напуганный, чтобы давать ход чему-то нежелательному; еще он сказал бы – все это не имеет значения, и если катастрофа должна произойти, она произойдет. Но я скажу – все гораздо проще: я не могу произнести вслух слово «Виноград», потому что трушу и боюсь разрушить статус-кво.

– Что за чушь, Уилла? – отвечает Шон на слишком высокой ноте. – Ты не хочешь ребенка, потому что я увлекся гольфом? Что все это значит? Мы решили завести ребенка. Мы договорились, что заведем его сейчас. Это часть нашего плана!

– Ну раз это часть плана, тогда, конечно, давай сейчас же заведем ребенка! А лучше близнецов! – от пранаямы никакой пользы. Оргазм? В самом деле? Нет уж, далай-лама, я не куплюсь на твои разводки.

Дверь гостевой комнаты открывается, и выплывает Никки – на голове настоящее воронье гнездо, тощие ноги нелепо торчат из семейных трусов.

– Что за хрень у вас творится, ребята?

– Нельзя говорить «хрень», – замечаю я. Он пожимает плечами.

– Это мне? – вопрошает он, заметив тарелку с яичницей. Шон кивает, и парнишка, усевшись на стул, снимает пленку и начинает копаться в тарелке. Шон понимает – это его шанс уклониться от разговора со мной.

– Звонила твоя мама... нам надо кое-что обсудить, чувак.

По-моему, Шон впервые на моей памяти назвал кого-то чуваком. Надеюсь, он понимает, каким идиотом выглядит со стороны. Я тут же злюсь на себя за эти мысли и стараюсь раз и навсегда выбросить их из головы; не хватало еще думать, что мой муж выглядит идиотом, не хватало вообще видеть в нем идиота.

– Валяй, фиг с ним, – говорит Никки.

– Фиг с ним, – говорю я.

– Фиг с ним, – повторяет Шон; это совсем не тот белый флаг, который я надеялась увидеть.

Я хватаю сумочку и бегу в коридор, потом к двери. Она хлопает за моей спиной, щелкает задвижка, и вот я уже жду, когда придет лифт и заберет меня отсюда, но вместе с тем пытаюсь набраться смелости, чтобы вернуться и попросить прощения. Считаю про себя до двадцати.

Если лифт придет раньше, чем я успею досчитать, я поеду к Ванессе. Если нет – вернусь домой.

Я не успеваю дойти даже до одиннадцати. Дверь открывается, и я вхожу в лифт. Вселенная дала мне знак. Я просто ее слушаюсь.

* * *

Таксист высаживает меня как раз у Бруклинского моста, на котором висит огромный баннер: «Рискни изменить свою жизнь». Жирные ярко-красные буквы смотрят на меня как неизбежность; пешеходы останавливаются, глазят и, может быть, думают, смогут ли они рискнуть и начать новую жизнь. Возможно, все так просто, и девушка слева подумает – рискну! – и наконец встретит парня, который перезвонит ей после секса. Может быть, это ответ на все вопросы, и толстый парень рядом с девушкой подумает – рискну! – и перестанет уплетать эклеры после полуночи, и сбросит десять килограммов, которые, по его мнению, мешают ему жить.

Я всматриваюсь и тут же вижу Ванессу, готовую к прыжку. Она немного медлит, и я знаю – она старается побороть страх; потом закрывает глаза, считает до трех и бросается вниз. Я слышу ее визг, а потом вопль: «Черт возьми, это офигенно!» Я смотрю, как она летит, парит, плывет вниз. Толпа взрывается нестройными аплодисментами, Ванесса в ответ поднимает вверх кулак. Потом дергается и хохочет, как гиена.

Я стою и смотрю на нее; сердце колотится в моем горле, дыхание становится резким и прерывистым, и я начинаю плакать. Я завидую ее смелости, ее прыжку. Я завидую тому, чего никогда не смогу.

Когда Ванессу на канате тянут вверх, она видит меня, даже из положения вверх тормашками, и вопит:

– Уилла Чендлер-Голден! Теперь ты рискни!

И мы обе смеемся, потому что знаем – я не рискну.

* * *

Ванесса убеждает меня пойти домой пешком, хотя придется тащиться больше пяти миль, а июльская аномальная жара по-прежнему не спадает. Я насквозь промокла; закручиваю волосы в узел, оттягиваю майку, чтобы не липла к груди, но уже поздно; маленькие пятна пота просочились сквозь нее.

– Скажи Ханне, чтоб прыгнула с тарзанки. Ее мозг просто взорвется!

Мы идем через Чайна-таун, слишком уж оживленный для воскресного утра. В окнах висят цыплята гриль, продавцы торгуют поддельными сумочками, туристы толкаются и пихаются, расчищая себе путь. Ванесса почти парит, все еще находясь под действием адреналина от прыжка. Кто-то пытается всучить мне фальшивый «Ролекс»; в ответ я корчу рожу и говорю Ванессе:

– С чего это я буду убеждать Ханну прыгать с тарзанки? Я с ней, скорее всего, больше и не увижусь.

– Потому что это совсем как кокаин, только без вреда для здоровья. И почему ты так уверена? Никогда не знаешь, что ждет впереди. Не надо сжигать мосты.

– Лучше уж с них прыгать?

– Очень смело! – говорит она.

Мы движемся на север, от Маленькой Италии к Сохо – демографическая ситуация меняется с каждым кварталом. На углу Бродвея и Хаустон-стрит открылась новая студия йоги – «Йогаголики», и ее окружила толпа тощих женщин в черных капри и костюмах для фитнеса от «Лулулемон». Они надевают черные очки и строят планы на поздний завтрак.

Мы с Ванессой останавливаемся за углом, бок о бок с этой стайкой; самая высокая и тощая из них говорит:

– Господи, разве Оливер не лучший в мире тренер? Я балдею от его пранаямы!

Загорается зеленый, и они движутся вперед, хихикая и сплетничая. Они кажутся счастливыми, но как знать – может быть, они все, как Райна, сидят на антидепрессантах.

– Странно, – говорю я. – Тренера по йоге зовут Оливер. Ты знаешь много тренеров по йоге, которых зовут Оливер?

– А твой брат разве не в Индии? Я читала его «Твиттер» на прошлой неделе...

– Самый знаменитый в мире тренер по йоге зависим от «Твиттера». Глупо, – замечаю я довольно злобно. Ванесса хмурит брови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.